

A black and white portrait of Vladimir Pozner, an elderly man with a serious expression, wearing a dark jacket over a light shirt. He is looking directly at the camera with his arms crossed.

ПРОЩАЛКИ

ВЛАДИМИР

ПОЗНЕР

ПОВОД ДЛЯ ОПТИМИЗМА?

Владимир Владимирович Познер

Повод для оптимизма?

Прощалки

Серия «Символ времени»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67934865

Повод для оптимизма? Прощалки:

ISBN 978-5-17-150179-2

Аннотация

Новая книга Владимира Познера «Повод для оптимизма? Прощалки» заставляет задуматься. Познер размышляет над самыми острыми вопросами современности, освещая их под разным углом и подчеркивая связь с актуальными событиями.

Чему нас учат горькие уроки истории и способны ли они вообще чему-то научить? Каково место России в современном мире, чем она похожа и не похожа на США, Европу, Китай? В чем достоинства и недостатки демократии? Нужна ли нам смертная казнь? Чем может обернуться ставшее привычным социальное зло – коррупция, неравенство, ограничение свобод?

Автор не дает простых ответов и готовых рецептов. Он обращается к прошлому, набрасывает возможные сценарии будущего, иронически заостряет насущные проблемы и заставляет читателя самостоятельно искать решение и делать вывод о том, есть ли у нас повод для оптимизма.

Эта книга – сборник так называемых «прошалок», коротких заключительных комментариев к программе «Познер», много лет выходившей на российском телевидении.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

От автора	6
I	10
II	50
III	100
Конец ознакомительного фрагмента.	137

**Владимир
Владимирович Познер
Повод для оптимизма?
Прощалки**

© В.Познер, 2022

© ООО Издательство АСТ, 2022

От автора

Это странная книга. Можно даже сказать, что это вообще не книга. У нее нет ни начала, ни конца. Нет ни завязки, ни развязки. Наконец, нет сюжета. Но то, что вы держите сейчас в руках, очень похоже на книгу, ведь так?

Попробую объяснить вам, что именно вы держите в руках.

В самом начале 90-х знаменитый американский телеведущий, человек, создавший жанр ток-шоу, Фил Донахью пригласил меня в Нью-Йорк, чтобы вместе с ним делать программу с чрезвычайно оригинальным названием POZNER & DONAHUE («ПОЗНЕР и ДОНАХЬЮ»). Когда я спросил Фила, почему «Познер и Донахью», а не «Донахью и Познер», ведь он намного более известен американскому телезрителю, чем я, он ответил: «Если программа провалится, пусть лучше называется «Познер и Донахью».

Программа не провалилась, напротив, она была очень успешной, имела высокий рейтинг и просуществовала почти семь лет. Она была закрыта по решению нового президента телеканала CNBC Роджера Эйлса¹, который счел ее слишком либеральной и потребовал, чтобы в новом контракте был

¹ Если вы видели фильм Bombshell («Скандал»), посвященный его персоне, то мне рассказывать о нем нет смысла, если не видели, то не хватит места. Скажу лишь, что это был один из самых реакционных и мерзких персонажей в истории американских СМИ.

пункт, обязывающий нас заранее сообщать ему тему будущей программы и фамилии предполагаемых гостей, без чего она не могла выйти в эфир. Мы сочли это цензурой и отказались, контракт наш не был продлен, и программа исчезла. Впрочем, это совсем другая история, она не имеет отношения к тому, о чем я хочу рассказать вам.

За годы работы в Америке я стал поклонником одной телевизионной программы, название которой «60 минут» (позже это название, совершенно не стесняясь плагиата, присвоили себе программы в других странах, в том числе в России). Она была создана в 1968 году и по сей день выходит раз в неделю в прайм-тайм на канале CBS. Итого пятьдесят три года с небольшим. Это абсолютный телевизионный рекорд.

Формат программы «60 минут» таков: три самостоятельных интервью и в завершение двух-трехминутный комментарий. Если мне не изменяет память, костяк «60 минут» составляли пять блестящих интервьюеров, причем у каждого был свой «конек». А вот автором завершающего комментария был всегда один человек – Энди Руни, журналист и публицист, отличавшийся острейшим языком и неподражаемым стилем. Я обожал его и восхищался им.

Еще работая в Америке, я прилетал в Москву один раз в месяц, чтобы записать две программы – «Мы» и «Человек в маске». Когда же я вернулся в Москву в конце 1996 года, то продолжал некоторое время делать эти программы, а в

2000 году стал автором и ведущим программы «Времена». Вскоре она стала очень заметной, по сути дела, была главной итоговой программой ОРТ/Первого канала. Просуществовала она восемь лет и прекратила свое существование по моей просьбе.

Несколько позже, объясняя свое решение в одном интервью, я сказал: «До “Познера” была программа “Времена”, которая была, на мой взгляд, очень хорошей – до определенного момента. Последней из этой категории была, как мне кажется, передача, посвященная гибели “Курска”. Потом, в связи с усилением так называемой вертикали власти, стало крайне сложно, а то и невозможно делать такие программы. В какой-то момент я просто понял, что не могу больше вести ее, и решил ее закрыть. С согласия Константина Львовича (Генеральный директор Первого канала Константин Львович Эрнст. – *Прим. ВП*). И тогда я предложил вместо нее программу “Познер”».

Программу «Времена» я завершал небольшим комментарием, который заканчивался словами «Вот такие времена», то есть я взял на вооружение придумку Энди Руни.

Когда я стал делать программу «Познер», то завершал ее таким же образом, добавив в конце слова «Удачи вам и приятных сновидений», которые я «одолжил» у другого выдающегося американского журналиста Эдуарда Р. Марроу.

Совершал ли я плагиат? Нет, не совершал, поскольку публично признаю авторами идеи Руни и Марроу.

Что до моего комментария, то у него не было никакого названия, пока телевизионный критик Ирина Петровская не нарекла его «прощалкой». Так что и это не моя идея.

Наконец, сама эта «некнига» появилась на свет, благодаря моей дочери Кате, которая в телефонном разговоре уговорила меня предложить эти «прощалки» издательству АСТ. К моему удивлению, предложение было принято. Но опять, то было не моей идеей.

Так что моей заслуги здесь нет ни в чем. Кроме, конечно, как в сочинительстве самих «прощалок».

I

2008–2009

* * *

На днях я посмотрел большой специальный репортаж американской телевизионной сети CNN. Причем было сказано, что это репортаж первого западного журналиста, которому открыли неограниченный доступ в Южную Осетию. Вообще репортаж большой и абсолютно объективный. И из него вытекает, вне всяких сомнений, два факта. Во-первых, войну в Южной Осетии начала Грузия. Во-вторых, грузинской стороной были использованы военные средства против мирного населения в абсолютно непозволительном размере. То есть, в общем, там сказаны вещи, которые мы с вами знали, но которые на Западе не говорились.

И получается, что потребовалось три месяца, чтобы самая известная, самая авторитетная информационная служба, а именно CNN, наконец сообщила своим зрителям вот эти факты. Можно ли сказать, что лучше поздно, чем никогда? Ну, наверное, можно. Но возникает вопрос: а почему поздно? Да потому что на самом деле западных журналистов не очень-то пускали в Южную Осетию. А вот грузинская сто-

рона пускала. И не только пускала, но даже и зазывала. Как действует журналист, когда с одной стороны – шлагбаум, а с другой стороны – широко распахивают дверь? Он ведь тоже человек, и он на это реагирует.

Я думаю, что иностранным журналистам не давали возможности работать в Южной Осетии с самого начала, потому что полагали: они все равно правды не скажут, и поэтому лучше их не пускать. А теперь видите – произошло то, что произошло.

Я очень надеюсь, что из произошедшего извлекут соответствующие уроки. Журналисты есть всякие – честные, нечестные, на Западе, на Востоке... Но все-таки им надо давать возможность работать.

* * *

Было немало событий на прошлой неделе, но, пожалуй, более всего меня задело за живое одно. Не политическое, не экономическое, не социальное. Скорее, спортивное. Хотя если вдуматься, то оно, конечно, выходит за пределы спорта.

На прошлой неделе московское «Динамо» играло с командой «Зенит» из Санкт-Петербурга. И вот во время игры группа болельщиков «Зенита» подняла баннер, на котором было написано: «Яшин сдох, и “Динамо” сдох».

Я знал Льва Ивановича Яшина, не очень близко, но знал, встречался с ним несколько раз, и это был удивительно доб-

рый, спокойный, рассудительный человек. Пожалуй, главным его качеством было чувство собственного достоинства. Он себя уважал, и поэтому, кстати говоря, уважал других. Именно поэтому, наверное, его все называли только по имени-отчеству – Лев Иванович. И когда играл, и после того как ушел.

Вот в игре я видел Яшина множество раз. Это был не хороший вратарь, не великолепный вратарь, не выдающийся вратарь. Это был гениальный вратарь. Я видел, как он защищал ворота сборной мира, когда праздновали столетие английского футбола, и он там вытворял что-то неопишное. Не знаю, уместно ли это слово, но Яшин в воротах – это была поэзия. А теперь вот это вот – «Яшин сдох».

Авторы этой мерзости на самом деле ведь не оскорбили Яшина. Они до него, до его памяти дотянуться не могут. Но они оскорбили свою собственную страну. Они оскорбили свой собственный город. И они оскорбили, конечно, ту команду, за которую они таким образом болеют. Вот говорят: их найдут по фотографиям и накажут. Я бы не стал наказывать. Я бы эти фотографии показывал по телевидению, я бы их разместил в интернете на всех сайтах, чтобы народ знал своих героев. И чтобы им никто руки не подавал, и чтобы их сторонились. Ну, как сторонятся человека, от которого дурно пахнет.

Главным событием прошлой недели был террористический акт в Мумбаи. О нем говорили и писали во всех СМИ – и международных, и, конечно, российских. Но я заметил с некоторым не то чтобы удивлением, но огорчением, что определенная часть наших граждан отнеслись к произошедшему как к чему-то, в общем, не касающемуся их. Это произошло там. Да, конечно, жалко этих людей, но это нас не очень-то касается. Такой был высказан взгляд людьми вполне интеллигентными, как ныне говорят – продвинутыми, либеральными, демократических взглядов и прочее.

И размышляя над этим, я вспомнил слова моего любимого английского поэта Джона Донна. Он жил в первой четверти XVII века, в молодости был повесой, драчуном, бегал за женщинами, пил, хулиганил. И писал совершенно гениальные стихи. Потом он остепенился, ушел в религию, стал очень известным священником и уже писал проповеди и так называемые медитации.

Так вот в 17-й медитации он написал следующее. *«Человек не остров, сам по себе завершённый. Каждый человек – часть материка, часть суши. Если морем смоем комок, Европа становится меньше. Точно так же, как если бы смыло мыс. Точно так же, как если это случилось бы с домом твоего друга или твоим собственным домом. От смерти любого*

человека я убываю, потому что я – часть человечества. И поэтому никогда не посылай узнавать, по ком звонит колокол. Он звонит по тебе».

*** * ***

Государственная дума приняла в первом чтении проект поправок к актам, имеющим отношение к борьбе с терроризмом. И там идет речь о том, чтобы суд присяжных не принимал участие в таких делах. Но это касается не только террористов. Речь также идет о том, чтобы присяжные не участвовали в делах о массовых беспорядках, о захвате заложников, об организации незаконных вооруженных формирований, о шпионаже, о предательстве...

Автором этой поправки является Владимир Абдуалиевич Васильев, глава думского Комитета по безопасности. И он аргументировал свою позицию двояко. Он сказал: во-первых, у нас есть такие республики, где до 80 % населения связано семейными, тейповыми и прочими узами. И по традиции там нельзя действовать против родственников, нельзя осуждать родственников. Поэтому присяжные в этих республиках оправдывают, скажем, террористов или дают им очень несерьезные сроки. А во-вторых, террористы знают в лицо присяжных, и присяжные их боятся.

Я хорошо знаю Владимира Абдуалиевича, он бывал не раз в программе «Времена», он мне всегда казался человеком

умным, порядочным, честным. И вот исходя из этого, я надеюсь, что он услышит то, что я скажу, да и не только он. В тех республиках, о которых он говорит, этими связями, путами соединены не только присяжные, но также и судьи, и прокуроры. Значит, может быть, такого рода процессы нужно просто перенести из этих республик в другое место, где другие судьи, другие присяжные, другие прокуроры. И вроде тогда не будет этой проблемы. Кроме того, все остальное, о чем идет речь, совсем не обязательно имеет отношение к терроризму: там измена Родине, шпионаж... при чем тут терроризм? Но почему-то и здесь считают нужным убрать присяжных.

На самом деле я хочу сказать вот что. Если развитие демократии и гражданского общества в России остается приоритетным делом, то нужно не только не ограничивать суд присяжных, его нужно расширять. И более того, следовало бы добиться того, чтобы когда суд присяжных принимает обвинительный вердикт, все двенадцать человек обязательно так проголосовали, а не только семь, как сегодня у нас. С моей точки зрения, этот законопроект антидемократичный по своему существу. Скорее всего, он отражает недовольство тем, что присяжные более справедливы и менее податливы, чем иные судьи.

Я хочу напомнить вам о двух событиях, которые произошли на прошлой неделе. Одно весьма известное, другое не очень. Первое касается показа по телевидению, английскому Sky News, того, как человек уходит из жизни, воспользовавшись тем, что называется эвтаназией. Шуму было необыкновенно много, на разных станциях, в мире, в том числе и у нас. Как можно показывать смерть по телевидению?.. По моему, это возмущение просто смешно. Я подумал о том, как часто показывают смерть и трупы людей – с утра до вечера, во всем мире. Причем не только в кино, но и в реальности: смерть от землетрясений, от цунами, от обвалившегося дома, от голода, от войны. И вроде бы ничего, все это можно.

На самом деле вопрос в том, почему это показали. Ведь этот человек, который так ушел из жизни, сам этого хотел. Он для этого пригласил журналистов. И запись показали только спустя два года после его смерти. Тем самым он хотел нам с вами сказать: вы имеете право выбрать, хотите вы жить или нет. Вы можете страдать до конца, пока не умрете сами по себе. Но у вас есть право распоряжаться собою. Я вспомнил, как один мой хороший знакомый уже девять месяцев лежит в глубокой коме, у него не работают полушария мозга, он подключен к разной аппаратуре. Шансов на поправку ни малейших. И сейчас решается вопрос с его родственниками:

отключать его или не отключать. Так вот я бы хотел сам решить вопрос, отключаться мне или не отключаться. Поэтому я поддерживаю такие вещи.

И второе. В Вашингтоне 20 января состоится инаугурация избранного президента Барака Обамы. И съедется туда огромное количество народу. Нет ни одной не переполненной гостиницы. Все квартиры, которые имеют вид на то место, где это будет происходить, давно сданы за очень большие деньги. Все хотят присутствовать. Сам президент хочет переехать в Вашингтон до рождественских каникул, чтобы его дети после каникул сразу пошли в новую школу. И он попросился в дом, который называется Блэр-Хаус. Этот дом удобно охранять. Там всегда проводятся такие важные мероприятия, там часто живут крупные государственные деятели, приезжающие в Америку. И Обама захотел переехать в Блэр-Хаус.

Его помощники обратились с этим запросом, но им ответили: нет, все занято до 15 января. Это сказали избранному президенту! И он с этим согласился. И действительно, 15 января он переедет в этот дом на пять дней, до инаугурации, а потом – в Белый дом.

Почему я это вам рассказал? Да не знаю. Мне просто показалось, что это любопытно.

В связи со всеми вопросами вокруг нашего автопрома и призывами сесть за руль отечественных машин я вспомнил вот какую историю. Это было еще во времена президента Джона Фицджеральда Кеннеди в Соединенных Штатах. Выступил главный хирург страны (там есть такая должность), который сказал, что здоровье американской нации находится в опасности и что главная причина этого – сидячий образ жизни. Но что делать? Не прикажешь ведь людям бегать. В Белом доме это обсудили и решили, что есть только один способ что-то сделать – это личный пример. Сам Джон Кеннеди был тяжело ранен во время Второй мировой войны, он бегать не мог. Но побежал его брат Роберт. Побежал под камерой, перед телевидением, чтобы вся страна это видела. И вы знаете, это возымело действие. Америка побежала.

И потом президенты США – не все, но большинство – всегда бегали. И Клинтон бегал, хотя он был толстоват, и Буш-старший, и Буш-младший... В общем, все они бегали, и обязательно публично, чтобы служить примером.

Но вернемся к автопрому, который надо спасать. Там работает 10 миллионов человек, они кормят свои семьи... не дай бог это все закроется, это же невероятное количество людей лишатся работы. Но чтобы люди понимали это, почему бы чиновникам – всем, от верха до самого низа, то

есть людям, которые занимаются государственными делами, большими и мелкими, почему бы им не показать пример? Почему им не пересесть на машины российского производства? Плохие машины? Ну так пускай делают лучше. Но поначалу надо пересесть. Причем я совершенно не за то, чтобы, скажем, президент ездил на «Жигуле». В конце концов, в советское время высшее руководство ездило на ЗИЛах. Но это были российские машины, сделанные вручную. Российские, а не иностранные.

Я это говорю абсолютно без иронии. Мне кажется, что такой пример мог бы иметь какое-то влияние. Это не панацея, и в Америке не все бегают. Но все-таки сдвиг мог бы быть весьма значительным.

* * *

Завтра в мире отмечается Международный день холокоста. Как вы думаете, если провести опрос, скажем, ста человек подряд, на улице любого нашего города – Москва это будет, или Питер, или еще какой-нибудь город, и задать вопрос: «Что такое холокост?», какой процент ответит правильно? Я думаю, что, может быть, 10 %, и то, возможно, я преувеличиваю. Причем, скорее всего, большая часть из ответивших правильно – это будут люди, которые помнят Вторую мировую войну. А молодежь, я думаю, вообще не будет знать, о чем идет речь.

Я знаю, что трудно дать определение понятию «холокост», но все-таки попробую. Холокост – это ряд мер, принятых гитлеровской властью в Германии и направленных на то, чтобы уничтожить всех – до последнего человека – евреев. Это была чуть ли не первая в истории попытка уничтожить целый народ, ну если не иметь в виду некоторые библейские сказания. Конечно, были другие явления, которые можно назвать геноцидом, но не холокостом. Ну, например, то, что происходило с американскими индейцами в XVIII–XIX веках: это был геноцид, но никак не стремление полностью уничтожить всех.

Всего во время холокоста было уничтожено около шести миллионов евреев. И надо сказать, что вначале, когда все это происходило, мир к этому относился довольно, скажем так, спокойно. Только после того как кончилась война, был Нюрнбергский процесс и все это стало известно. Вот только тогда мир ужаснулся и, собственно говоря, этот день было решено отмечать.

Сегодня есть целый ряд стран, например, Великобритания, Германия, Франция, где отрицание факта холокоста является, ни много ни мало, уголовным преступлением. В России это не так: в России можно отрицать холокост как явление без всякого наказания. Но все-таки Международный день холокоста будет отмечен и в России, правда, наверное, всего лишь несколькими еврейскими организациями.

Впрочем, я скажу вам совершенно откровенно, я этому

не удивляюсь. Ведь если иметь в виду, что человек, который практически разрушил эту страну, лежит в Мавзолее, построенном для него в знак почести, а другой человек, который повинен в смерти десятков миллионов своих сограждан, мог всерьез претендовать на звание «Лицо России», что этому удивляться?

* * *

Почти ровно шестьдесят лет тому назад, 28 января 1949 года, в газете «Комсомольская правда» вышла статья о безродных космополитах. Ну, и началось: сосед доносил на соседа, учитель – на ученика, а ученик – на учителя, студент – на профессора, профессор – на студента. Была объявлена охота на фамилии. На самом деле Семен Гарин – не Гарин, а Самуил Герштейн, и так далее. Сколько людей потеряло работу, сколько людей было выгнано из институтов! Вообще это одна из самых позорных страниц современной истории России.

Мне казалось, что такие вещи нужно напоминать, признавать их и не давать забывать о них. Я не знаю, говорится ли в какой-то газете или где-то еще об этой печальной годовщине. А надо бы. Все-таки какое-то очищение должно быть. И вообще, может быть, название таких газет, как «Комсомольская правда» или «Московский комсомолец», тоже следовало бы изменить?

Эту программу я хотел бы завершить несколькими словами о музыке и задам вот какой вопрос. А вообще музыка имеет отношение к политике? Или политика имеет отношение к музыке? У каждого свой ответ. Мой ответ таков: да, имеет, в зависимости от того общества, в котором звучит музыка, и от обстоятельств, при которых она звучит. Скажем, песни Интербригады во время гражданской войны в Испании, конечно же, были политическими. И песни чернокожих американцев во время борьбы за гражданские слова, конечно, имели политический подтекст. Имели его, кстати говоря, и песни Булата Окуджавы, и Высоцкого. Ну это все понятно.

А что насчет музыки Шостаковича или, скажем, Прокофьева? Во время программы я упоминал, как, по сути дела, Политбюро заклеямило этих композиторов как буржуазных и преклоняющихся перед Западом. И джаз в советское время был полуподпольным. Один мой приятель, английский журналист, делает документальный фильм, который называется «Как “Битлз” разрушили Советский Союз». Ну, разрушить не разрушили, но вообще их боялись как огня. В общем-то, они были запрещены. Возникает вопрос: собственно говоря, почему? Как мне кажется, любое тоталитарное или авторитарное государство боится свободы, боится независимости. А любое искусство, будь то музыкальное или другое, по су-

существу свободно и по существу независимо.

И кроме того, тоталитарные государства не выносят воспевания личности. А ведь искусство – это есть выражение одной отдельно взятой личности. Вот поэтому всякое искусство на самом деле имеет непосредственное отношение к политике.

* * *

Вчера исполнилось двадцать лет со дня вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. За девять лет этой военной авантюры – а это все-таки была авантюра – погибло более четырнадцати тысяч советских солдат и офицеров и около миллиона афганцев. Советские солдаты и офицеры выполняли приказ. Афганцы защищали свою страну.

Я не знаю, как это двадцатилетие отмечалось, скажем, в Афганистане, у меня нет доступа к афганскому телевидению. Но есть доступ к российскому телевидению, и вчера я пытался посмотреть как можно больше сюжетов на эту тему. И должен вам сказать, что очень многое меня тронуло и взволновало. Многое вызвало глубокое сочувствие и сострадания. Сострадание по отношению к тем, кто потерял мужа, брата, сына. К тем, которые остались калеками. Наверное, сострадать погибшим нет смысла – ведь они уже не страдают, страдают оставшиеся в живых. Было сказано очень много хоро-

ших и правильных слов, но вот об одном не было сказано ничего, по крайней мере, я не услышал. А именно, почему была эта война? Отчего? Ведь Афганистан не напал на Советский Союз, не угрожал Советскому Союзу и на самом деле не призывал Советский Союз ввести войска. И те, которые говорили, что это так, просто бессовестно лгали, утверждая, что якобы выполняли таким образом свой интернациональный долг. Решение это было принято самым высшим руководством Советского Союза, я бы сказал, очень ограниченным контингентом этого руководства. Вот такая случилась вещь. И в результате погибло столько людей.

Для меня (и я думаю, что для всех) это должен быть пример того, что происходит, когда власть абсолютно неподконтрольна, когда средства массовой информации абсолютно подчинены власти, когда журналистов превращают в так называемых солдат идеологического фронта. Эту истину, этот урок следует запомнить хотя бы ради памяти тех четырнадцати с лишним тысяч, которые погибли.

* * *

Когда я разговаривал с господином Гайдаром, у меня возникла мысль: почему у нас так не любят реформаторов? Я подчеркиваю, реформаторов, не революционеров. Вот с революционерами у нас как-то все хорошо.

Вот таких людей, как царь Александр II, Столыпин, Витте,

тот же Гайдар, тот же Чубайс, – почему так не любят их? Это меня всегда поражает. Причем не любят их больше, чем, по крайней мере, в знакомых мне странах. Возможно, в других это так же. Ну, впрочем, это не главное, но это такая мысль, которая у меня все время крутилась в голове.

А хотел я сказать вот о чем. В начале программы я говорил, что очень много вопросов было прислано на сайт Первого канала, рекордное количество. И, разумеется, я смог задать Егору Тимуровичу только малую толику. Был один вопрос, который я не смог задать, но все-таки хотел обратиться ваше внимание на него. Он адресован Гайдару и звучит так: «Вы выразили мысль о том, что для того, чтобы в стране появился спрос на демократию и свободу, должны быть удовлетворены базовые нужды людей – продовольствие, жилье, безопасность. Но разве спрос на свободу зависит только от финансового положения? Например, в некоторых странах Ближнего Востока высокий уровень доходов, и до сих пор там существуют монархии и спроса на свободу не появилось. Может, наш менталитет ближе к ним, нежели к Европе, и демократии в полном смысле у нас не будет никогда?» Вот такой вопрос. Я, повторяю, не успел его задать Егору Тимуровичу, но вот хотел по этому поводу чуть-чуть поразмыслить.

Вот смотрите. Я совершенно согласен, что не от материального благосостояния зависит спрос на демократию и на свободу. Я думаю, что это действительно зависит прежде всего от менталитета. А что такое менталитет? Как это фор-

мируется? Да историей, обстоятельствами, в которых народ живет. Так вот, где вообще зародились эти идеи демократии и свободы человека? В каких странах? Только в европейских. Я не беру Северную Америку, то есть Канаду, Соединенные Штаты, даже Латинскую Америку, потому что эти страны были заселены европейцами. А что характерно для всех европейских стран? Характерна эпоха Возрождения. Эпоха Возрождения – это период длиной почти в триста лет, когда народы вышли из темноты феодализма и была значительно ослаблена церковная власть. И тогда стали расцветать идеи о том, что нет ничего ценнее одной отдельно взятой человеческой жизни.

А что происходило в это же время в России? В это время в России было татаро-монгольское иго, которое длилось почти те же триста лет. И когда наконец это иго было, так сказать, сброшено, в этом большую роль, конечно, сыграла Русская православная церковь. Позиции церкви очень укрепились, и кроме того, возникло весьма деспотическое правление. Причем оно полностью выразилось во времена Ивана Грозного. И в этих обстоятельствах отдельно взятая человеческая жизнь не значила ничего. Пожалуй, тогда, наверное, и родилось выражение «Лес рубят, щепки летят» – отдельная человеческая жизнь не имела никакой ценности.

Так вот, мне кажется так. Если человек растет с убеждением, что он ценен сам по себе, то в нем автоматически возникает стремление к свободе и демократии, он без этого не

может самовыразиться, коль скоро он самоценен. А там, где нет этого убеждения, там, где человек себя не считает самоценным, какое может быть стремление к свободе и демократии? Оно неестественно. Поэтому я хотел бы сказать, что тогда у нас возникнет эта жажда свободы и демократии, когда у безусловного большинства населения будет ощущение, что каждый по отдельности ценен или даже самоценен. А это произойдет, увы, не завтра.

* * *

На днях Михаил Михайлович Жванецкий отметил свое 75-летие. Собственно, оно случилось 3 марта, но праздник состоялся 13 марта – это было в Концертном зале имени Чайковского, и это был совершенно потрясающий вечер. Он назывался «Читаем Жванецкого». И действительно, и в первом, и во втором отделении крупные известные народные артисты, и вообще известные люди, да и просто друзья Михаила Михайловича читали Жванецкого с эстрады. Ну а в конце каждого отделения читал Жванецкого сам Жванецкий.

Атмосфера была поразительная: радостная, теплая, любовь и восхищение парили в воздухе. И как мне кажется, это связано было прежде всего с тем, что люди понимали: они общаются с гением.

Для меня, без сомнения, Жванецкий такой же гений, как Салтыков-Щедрин или Гоголь. Совершенно поразительно то,

что он пишет. Я не знаю, наградило ли его правительство в связи с этой годовщиной. Надеюсь, что нет. Потому что все-таки награждать человека за то, что ему исполнилось столько-то лет, как-то странно: ведь не он добился этого, ну так случилось, что исполнилось столько лет. Так что, по-моему, награждать не надо. Вот поздравлять бы хорошо. Я очень надеюсь, что и президент, и премьер-министр поздравили его. Я не знаю, но я надеюсь, что это так. Что до наград, то, конечно же, он достоин самой высокой награды, какая есть в стране. Потому что то, что сделал Жванецкий для России, вообще даже трудно себе представить. А с другой стороны, какая ему награда подходит? Вот опять возникает вопрос. А что, Николаю Васильевичу Гоголю нужна награда? Понимаете, о чем я говорю?

В общем, я хочу закончить одной из моих любимых вещей Жванецкого, она очень короткая. Она звучит так: «Вы пробовали когда-нибудь зашвырнуть комара? Далеко-далеко. Он не летит. Нет, он летит, но по-своему. И плюет на вас. И поэтому надо быть очень легким и независимым».

* * *

Когда во время одной из программ речь зашла о символике, в частности, о фашистской, нацистской и так далее, я подумал о том, что символика всегда или почти всегда связана с политическим строем. И когда один строй меняется

на другой, то меняется и символика. Например, в 1789 году, когда во Франции была революция и феодальный строй был скинут, вся атрибутика того строя, в общем-то, исчезла – был уже другой флаг, другой гимн, ну и так далее. То же самое можно сказать и о Советском Союзе. Вернее, когда в 1917 году изменился царский строй на советский, то вся атрибутика царского строя – двуглавые орлы, флаг, гимн и все прочее – тоже была убрана, и возникла новая символика. То же самое в Германии после нацизма: вся нацистская символика не только была убрана, но и была объявлена вне закона. И это как бы говорит о том, что новый строй сообщает: «Это мы не признаем, это мы осуждаем, это не наше».

И вот волей-неволей в связи с этим я подумал о России. Ведь вот ощущение странное: значит, государственный флаг изменили, но в армии оставили советский (я имею в виду, в Вооруженных силах). Гимн сначала заменили на музыку Глинки с какими-то другими словами, потом вернулись к советскому гимну по музыке, но со словами автора слов из старого советского гимна, правда, тут он сочинил новые. Какая-то странная вещь: глобус с серпом и молотом красуется на очень многих зданиях в нашей стране, памятников Ленину не сосчитать, не говоря об улицах и площадях в разных городах России, носящих имена разных советских деятелей. Ну, скажем, Петербургу вернули название Петербург, но область называется Ленинградской. Свердловск стал все-таки Екатеринбургом, а область – Свердловская. В общем,

какая-то шизофрения.

Вы мне скажете, что есть вещи поважнее, чем очищение страны от символов советского периода. Я вам отвечу вот что: эти символы отражают сохранение в мозгах советского периода, и на мой взгляд, нет ничего важнее как раз очистки мозгов от этого.

* * *

Вот вопрос, который меня занимает, как ни странно: а есть ли у нас журналистика? Станный вопрос, скажете вы? Как сказать. Я готов ответить на него, может быть, еще более странным образом и сказать, что, в общем, журналистики у нас нет, ну или почти нет.

Ну смотрите. Хотя у нас нет официальной цензуры, как было в СССР, но власть региональная и федеральная то и дело вмешивается в работу средств массовой информации, что, конечно, не очень способствует журналистике. Это с одной стороны. Но кроме того, у нас вся журналистика делится либо на проправительственную, так сказать, государственническую, патриотическую, либо на оппозиционную. В общем-то, среднего нет. Что касается проправительственной, то там установка такая: все замечательно. И даже то, что плохо, на самом деле хорошо, потому что... В общем потому-то. А что касается оппозиционной печати, то здесь установка иная: все плохо, а то, что хорошо, конечно, тоже плохо.

Причем доходит до курьезов. Я недавно в одном журнале читал статью о том, как идет розыгрыш Кубка УЕФА по футболу. И в этой статье, в которой говорится, что ЦСКА проиграл донецкому «Шахтеру» 0:2 и вылетел из этого турнира, сказано так: «Теперь у Украины там две команды, а у России зато ни одной». Вот такого рода подходы. Или еще по поводу Китая один журналист рассказывал о том, как там хорошо справляются с кризисной проблемой, в отличие, конечно, от России, и так, между делом, говорил: «А там коррупционеров расстреливают». И говорил вроде бы с одобрением. Я подумал: «И журналист вроде бы прогрессивный и демократический, и средство массовой информации прогрессивное, а вот расстрел в Китае – вроде это хорошо». Если бы у нас расстреливали за коррупцию, можно представить, какой был бы шум.

В общем, я хочу сказать, что мы, получается, в СМИ либо ныряем в какую-то густую розовую патоку, либо, наоборот, в какую-то черную смрадную дыру. По-моему, это не журналистика.

* * *

На днях я разговорился с одной женщиной из Германии – ну, о том, о сем. Стали говорить о детях. Выяснилось, что у нее сын четырнадцати лет живет в Берлине, а у меня внук четырнадцати лет тоже живет в Берлине. Она меня спроси-

ла: «Ну как ваш внук?» Я говорю: «Нормально. А ваш?» Она отвечает: «Ой, вы знаете, мне пришлось познакомиться с полицией из-за моего сына». Я спрашиваю: «А почему?» И вот она рассказала мне такую историю.

Ее сын, поиграв в футбол, захотел пить. Зашел в магазин, взял бутылку воды. Хотел еще взять бутылку энергетика, но у него денег не хватило. Поэтому он эту бутылку спрятал в спортивную сумку, взял бутылку воды, пошел в кассу, ну а там его ждал соответствующий человек, который все увидел на мониторе и сказал: «Ну-ка, идем со мной». Повел его в кабинет, позвонил маме и сказал: «Ваш сын арестован за то, что он попытался украсть бутылку энергетика, который стоит 70 центов. Я вызываю полицию, и полиция его заберет и вам позвонит».

Действительно, полиция очень скоро позвонила, очень вежливо сказала: «Ваш сын у нас в таком-то отделении, приезжайте». Мать приехала с мужем. Ну и полицейский говорит: «Вот, пожалуйста, забирайте. Вообще это нехорошо. И это не конец истории: вас вызовут в прокуратуру. Вот протокол, который подписал ваш сын. Почитайте». – «Да, все правильно». – «Пожалуйста».

Через два дня их вызвала прокуратура. Принимала их женщина, очень вежливая, но очень-очень строгая. И разговаривала только с мальчиком, а не с родителями. Вначале она ему сказала: «Ты можешь вообще ничего не говорить, а можешь врать – твое право». Ну он, конечно, не стал за-

пираться. Она его расспросила, где он занимается, в какой школе, чем он увлекается, какая обстановка дома, как отношения с мамой и с папой, единственный ли он ребенок, во что он любит играть, какие у него есть увлечения. Он на все это ответил. Потом женщина спросила: «А как ты оцениваешь свой поступок?»

Все это она тщательно записала, вплоть до междометий: «На, почитай внимательнейшим образом». Он прочитал. «Подпишись, что все правильно». Он подписал. Она ему сказала: «Знаешь что? Вот этот протокол – я ему не дам хода, потому что я вижу, что ты искренне раскаиваешься, ты переживаешь. Но он будет лежать у нас. И вот если на тебя поступит хоть какая-то жалоба, например, на то, что ты хотел без билета проехать в автобусе, даже такая, то это будет передано дальше в прокуратуру, и это будет у тебя записано в твоём личном деле, которое будет затребовано, когда ты захочешь поступить в институт или на работу. Имей это в виду – это всю жизнь будет тебя сопровождать. А теперь иди домой».

Вы знаете, я потом подумал: «Вот почему в Германии-то так мало воруют. Занимаются этим вот с такого возраста». Еще пришла в голову такая мысль: «А вдруг эта история покажется интересной каким-нибудь нашим законодателям или представителям правоохранительных органов?»

Я просто прочитаю одну из моих любимых вещей Жванецкого.

«Это сильнее Чехова и Достоевского, это не то, с чего можно брать пример. Это можно потребовать для себя, лично. Дадут или не дадут – не скажу, но требовать мы обязаны.

Художественным произведением вы можете восторгаться, наслаждаться, любоваться и даже питаться, но не можете требовать его для себя.

А когда вы слышите то, что вам обязаны предоставить – потому что вы есть, не хуже всех, не хуже других, не хуже любого и, что самое главное, не лучше другого – вы можете требовать для себя то, что там есть. Там все для вас.

К тому, что в Библии, надо стремиться – очищаться, улучшаться. И вы всегда в начале пути, когда бы вы ни открыли и в каком бы месте. Для Библии вы должны измениться. Для Конституции – нет, нет, нет.

Она дает все такому, какой вы есть, здесь и сейчас. Она просто внезапно говорит вам, что вы – человек, исходя из чего вы обязаны и вам обязаны. Исходя из чего вы можете не только думать, но и говорить, высказывать свое. И вас не касается, совпадает это ваше с не вашим, с общим, с соседским, с принятым, даже с полезным или приятным. Вас не

касается. Вы – свободны, одиноки, вы мыслите и говорите.

Вокруг вас – довольно плотно к телу – то, что называется вашей свободой. Ваша свобода может касаться, но не пересекаться со свободой другого человека, во всем равного вам. У него может быть скверный характер, он может быть черен, немый и безног – он во всем равен вам. Все остальное – услуга.

Ваша услуга – это власть, полиция, милиция, таможня, медицина, дорога, стройка, армия – все это сервис, не власть. Власть – это вы, я, он, миллионы я, я, я, я, собранные в голоса, в населения. Два-три мнения, где большинство и есть глас Божий.

Ваш одинокий, независимый голос плюс мой, плюс Ларисы, плюс Тани, плюс отца, плюс, плюс – голоса складываются и раскладываются. В Думе – наши голоса. Как они выглядят, так они выглядят. Это мы, собранные в пучок.

Президент, собранный из нас, которому внятно сказано нами в большинстве своем: «Мы хотим, чтобы ты был первым». Это не значит, что ты лучший. Мы выбрали из тех, кто поднял руку, из тех, кто предложил себя. Ты – первый на четыре года. Если пригодишься народу своему, будешь еще четыре года – больше нельзя. Ты начнешь нас угнетать, сам того не желая. Власть перестанет быть услугой, а станет властью, обязательной. Весь мир отверг этот соблазн. Дай себя сменить. На другого человека. Пусть он будет хуже – он принесет главное: уверенность во власти на-

рода, состоящего из мыслящих существ.

Народ убедить легко. Каждого из нас – очень сложно. Смена власти – желание каждого из нас. Для того чтобы над всем – выше Библии, выше религии, выше любви, выше здоровья, выше жизни – была эта книга, Конституция нашей страны».

*** * ***

Прошлая неделя была довольно богата событиями: прежде всего, пышное празднование юбилея Аллы Борисовны Пугачевой, потом не менее пышное празднование Пасхи на всех каналах с присутствием всех руководителей государства. Конечно, каждый сам определяет для себя, какое событие является главным. И для меня, должен признаться, ни то, ни другое, а совсем третье. Какое именно? А вот какое.

На прошлой неделе Белый дом предал публичности документ, из которого явствовало, что Соединенные Штаты применяли пытки по отношению к арестованным в подозрении в терроризме, нарушая тем самым все существующие правила, все существующие конвенции – Женевские и все прочие. Это было официально опубликовано. И для меня это чрезвычайно важный момент, потому что это шаг много значащий. Но я думаю, что вы вряд ли об этом услышали, и это вот любопытно. Почему эта новость была незаметной? С одной стороны, если взять нашу либеральную, демократиче-

скую, правозащитную, оппозиционную часть населения, то ведь если об этом документе говорить, пришлось бы критиковать Соединенные Штаты Америки. А они этого делать не любят. Поэтому как-то лучше это игнорировать и как бы не заметить.

Но ведь у этой истории есть вторая сторона, а именно то, что Белый дом опубликовал этот документ, несмотря на сопротивление ЦРУ. Опубликовал, сделал публичным. А это значит, что американская политическая система все-таки работает. И пусть с опозданием, пусть не всегда точно, но все-таки когда государственный корабль как-то кривит не в ту сторону, находятся силы, которые его поправляют. Хорошо это? Да, вроде бы так. Но вот здесь как раз другая сторона, а именно: патриотично-государственническая, евразийская, националистическая часть общества этого не замечает, потому что тогда придется хвалить Америку, а хвалить-то — для них это нож острый.

Вы меня спросите: «Подождите минуточку, а как же мы, зрители, слушатели, читатели? Разве мы не должны знать о том, что происходит?» На что я вам отвечу: «А почему вы решили, что и те, и другие вообще думают о том, что вам надо знать? У них совершенно другие интересы».

* * *

Во время программы мы коснулись вопроса поведения

богатых людей в России сегодня. И я вспомнил коммунистические времена. Ну, на самом деле, конечно, никакого коммунизма не было, поэтому правильнее сказать – советские времена. И надо отметить, что тогдашние лидеры все-таки вели себя намного умней. У них, конечно, были колоссальные привилегии, о которых большинство из нас ничего не знало. Специальные распределители, где всегда было полно любой еды, никаких дефицитов, причем еда была дешевле, чем у нас с вами в магазинах. Специальные поликлиники, специальные дома отдыха, специальные портные. В общем, все специальное. Но все это было спрятано. То есть мы с вами этого не видели, мы не знали, где это находится, хотя это могло находиться под носом. Они понимали, что не надо выставлять это напоказ.

Я уже говорил раньше об аварии на Кутузовском проспекте, когда два девятнадцатилетних, я бы их назвал, сопляка на подаренном папой «Феррари» стоимостью 350 тысяч евро со скоростью 200 километров в час врезались в какую-то припаркованную машину. И в итоге так или иначе пострадало девять машин. Эта история вызвала очень интересный отклик: в интернете это третья новость по частоте упоминаний.

И я хочу вас познакомить с одним стишком, который я там прочитал. Звучит он так:

Маленький мальчик в «Феррари» катался.

*Все хорошо, но в поток не вписался.
Долго гашишник смеялся до слез,
Кровавый гуляш вытирая с колес.*

Не очень добрые стишата, скажем так. Но это сочинила некая девочка Элла и получила массу поддержки, аплодисментов, восторгов и так далее.

Повторяю, что эти девятнадцатилетние джентльмены – это дети топ-менеджеров, работающих в очень известном российском банке. Увы, фамилий нигде нет. Так вот, я хотел бы рекомендовать этим топ-менеджерам вспомнить, что на Западе, которому они так подражают, именно дети богатых людей воспитываются в самом строгом духе. Их держат в ежовых рукавицах, чтобы они понимали, что деньги не растут на деревьях, и тем самым подают знаки обществу: мы, несмотря на то, что мы очень богаты, соблюдаем те нормы, те правила, которые приняты в обществе, мы являемся членами этого общества, и мы это показываем таким образом. Кроме того, они еще исходят из чувства самосохранения.

Так вот, я бы хотел сказать нашим топ-менеджерам, что вообще неплохо бы задуматься и над этим, над самосохранением. В этом есть некоторый смысл.

* * *

Вчера граждане Литвы избрали нового президента стра-

ны, зовут его Даля Грибаускайте. То есть надо бы сказать – «зовут ее», потому что она женщина. Впервые в истории Литвы женщина правит страной. Впрочем, я не слишком хорошо знаю историю Литвы, так что, может быть, и раньше была какая-то королева, которая правила. Но то, что там впервые избирают женщину на высший пост, это я знаю совершенно точно. Причем как избрали? Она получила почти 69 % голосов. Ближайший ее конкурент, который возглавляет Социал-демократическую партию Литвы, получил меньше 12 %, то есть в шесть раз меньше, чем она. Так что сказать, что ее избрали, это еще ничего не сказать.

Конечно, это все вызывает довольно живое, если не бурное, обсуждение в средствах массовой информации во всем мире, в том числе и в России. И сегодня утром я по одной из радиостанций слушал обсуждение, где ставился вопрос: «Как вы считаете, может ли вообще женщина по своей природе управлять Россией?» Заметьте – не может ли она быть избрана, а может ли вообще управлять? Как мне кажется, ответ очевиден: женщины управляли Россией, и достаточно неплохо. Достаточно вспомнить Екатерину II, которую недаром называли Великой. Так что управлять могут, конечно. А вот вопрос такой: а может ли женщина быть избрана в России? Я утверждаю, что сегодня – вряд ли. Вы все, конечно, помните насчет русской женщины, что она «коня на скаку остановит, в горящую избу войдет». Но вместе с тем как насчет русской мудрости: «Курица не птица, баба не чело-

век»? Такой точки зрения придерживаются еще очень многие в России. Так что, конечно, пускай она в горящую избу входит, и пускай она на ходу коня останавливает. Тем более что чаще всего ее мужик либо где-то выпивает с приятелями, либо валяется пьяный. А вот насчет того, чтобы ее избрать, это вряд ли. А жаль. Потому что, на мой взгляд, — я это говорю абсолютно откровенно — лучшее, что есть в России, это как раз женщины.

* * *

Недавно в Америке вышла книга, я не помню точно название, то ли «Дорогой мистер президент», то ли «Дорогой президент Обама». Это книга, которая содержит несколько сот писем американских детей и рисунков, адресованных Бараку Обаме. Рисунки, конечно, чудесные, дети вообще замечательно рисуют. Ну а письма довольно трогательные, есть очень смешные, есть, наоборот, печальные. Но искренние, идущие от сердца, дети есть дети. В общем, книга вышла, рецензии на нее написали довольно хорошие, особо ругательных рецензий не было.

И вот я подумал: а что было бы, если бы у нас вышла книга под названием «Дорогой президент Медведев» или «Дорогой Дмитрий Анатольевич»? Книга писем российских детей и их рисунков, адресованных Дмитрию Медведеву. Я представил себе, какой поднимется хай, какой вой, какой обру-

шится поток иронии по поводу выхода этой книги. Причем это будет со стороны моих коллег, то есть демократически, либерально настроенных людей. Разумеется, те, которые никак моими коллегами не являются, а являются скорее врагами, националисты и всякого рода государственники правого толка, они, конечно, будут хвалить такую книгу. Но они меня не интересуют совершенно. Меня больше интересует другая реакция. Вот почему когда такая книга выходит в Америке, наши либералы молчат? Только не скажите, что им неинтересно, что происходит в Америке. Им очень интересно. Но в данном случае они молчат. Вот у вас есть ответ на этот вопрос? Лично у меня нет.

Что до меня, то мне кажется, что использование детей для такого рода вещей – это вообще неприлично. Неважно, в Америке или в России.

* * *

Один в поле не воин. Это очень известное выражение в России. И как ни странно, оно не имеет аналога в других языках – по крайней мере, в тех, которые мне известны. И в нем, как мне кажется, в концентрированной форме выражено мнение, что один человек сам по себе ничего не может и в общем ничего не стоит.

Сказав это, я хотел бы ознакомить вас с отрывком статьи Нателлы Болтянской, известного барда и не менее известно-

го журналиста радиостанции «Эхо Москвы».

«А напоследок хочу рассказать историю совсем другого человека. Я бы даже написала – Человека, с большой буквы. В 1940 году у ворот японского консульства в Каунасе толпилось несколько тысяч страждущих. Это были евреи, бежавшие от гитлеровцев на территорию Советского Союза. Формально их должны были отправить обратно. Единственная возможность избежать гибели была получить транзитную визу через территорию Советского Союза. И даже те посольства, которые имели право выдачи подобных виз, вовсе не спешили это делать. Отчаявшиеся беженцы нашли выход на японского консула Сугихару. Обратились к нему с просьбой о выдаче транзитных виз. Сугихара, дипломат страны, воюющей на стороне Германии, вынужден был запросить свой МИД. Япония, естественно, отказала. И Сугихара принял решение: на свой страх и риск начал выписывать транзитные визы. Несколько дней с утра до вечера он делал это в консульстве. Затем консульство закрыли, и он продолжил работу в гостинице. А потом из окна поезда, увозившего его из Литвы, он выбрасывал чистые бланки со всеми печатями. Учет никакой не велся, виза выдавалась на семью, в которой могло быть как минимум два человека, а реально и три, и пять, и десять. Когда вдова праведника Сугихара уже спустя много лет приезжала в Израиль, откуда-то всплыла цифра – 50 тысяч человек, живущих сегодня благодаря этим нескольким суткам напряженной рабо-

ты японского дипломата».

Вот так. Один человек — не воин?

* * *

Я полагаю, что не все вы знаете, кто такой Иван Демьянюк. А это человек, который наделал много шума и, кстати говоря, продолжает вызывать шум. Я расскажу вам вкратце.

Это нацистский преступник, который после войны сумел бежать в Соединенные Штаты Америки, где в течение тридцати пяти лет успешно скрывался от охотников на таких преступников. Но потом в конце концов его нашли, и еще тридцать лет он бодался и вполне, в общем-то, успешно отбивал атаки этих людей. И вот наконец совсем недавно американский суд постановил депортировать его в Германию, чтобы там его судили.

На всякий случай хочу вам напомнить: утверждается, что он причастен к смерти 29 тысяч человек. Но Демьянюку 89 лет. Он плохо ходит, плохо слышит, плохо видит и вообще плохо соображает. И многие говорят: «Да оставьте его в покое. Он старый человек. Какой смысл его судить?»

Я вам скажу, какой в этом смысл. Во-первых, суд должен доказать его вину. Должно быть доказано, что он действительно виновен в таком страшном преступлении. Во-вторых, он должен услышать приговор. Он должен услышать то, что о нем думают. Он должен уйти в могилу, понимая, что он

осужден, что он мерзавец и преступник. Обязательно должен. Но поскольку в Европе нет смертной казни (и я этому очень рад), его должны в случае доказательства его вины приговорить к пожизненному заключению. И отпустить. Да-да, отпустить, на все четыре стороны. Исходя вот из чего. Он очень стар, он очень болен, не надо его держать в тюрьме. И он будет жить, время от времени ловя на себе взгляды окружающих, взгляды, в которых все будет сказано по поводу того, кто он есть. Такой суд, может, чуть-чуть очистил бы воздух.

Вообще я бы хотел, чтобы состоялись суды над всеми преступниками, которые погубили жизни тысяч и миллионов людей. И неважно каких – нацистских преступников или советских. Я бы этого хотел. Мне могут на это сказать: «Послушай, они давно умерли, оставь ты их в покое». Неважно, что они давно умерли. На мой взгляд, суд должен быть. Преступники должны быть названы преступниками. Преступления должны быть названы преступлениями.

Уж если судят Демьянюка за 29 тысяч погубленных жизней, то как же те, которые загубили миллионы жизней? Их не надо судить историческим судом? По-моему, надо. Если это произойдет, то дышать действительно станет легче.

* * *

Вчера я прилетел из Франции, где мы снимаем доку-

ментальный фильм, наподобие «Одноэтажной Америки», но про Францию. И конечно, у меня очень много французских впечатлений. Я хотел бы поделиться с вами одним из них.

Мы недавно были в Бургундии. Вы, наверное, знаете, что там производят очень много прекрасных вин. В том числе, пожалуй, одно из вообще самых знаменитых вин Франции, которое называется «Романе-Конти». И нашу телевизионную группу впервые в истории пустили снимать вот эту лозу, небольшой участок, где растет этот знаменитый виноград. Участок размером 1,8 гектара. Понимаете, какой он маленький? Всего пять тысяч бутылок в год. Стоимость этих бутылок... лучше я даже говорить об этом не буду. И вот хозяин этого участка нам рассказывал о том, какая это ценность, какое это легендарное вино.

В какой-то момент Иван Ургант, вместе с которым мы снимаем этот фильм, задает ему вопрос: «Скажите, пожалуйста, почему здесь нет никакой охраны? Не то что заборов нет, но вообще нет ни одного человека, который бы охранял эту колоссальную ценность. Как же так?» Француз на меня посмотрел с некоторым недоумением, считая, что я, может быть, неточно перевел то, что спросил Иван (который, к сожалению, по-французски не говорит). Но я ему подтвердил: «Нет, именно это он и сказал». Тогда он взглянул на Ивана и спрашивает: «А зачем?» Иван ему говорит: «Ну как зачем? А если какой-нибудь ваш конкурент проникнет сюда ночью, обрызгает все ядом...» Француз посмотрел на него с

еще большим недоумением, я бы даже сказал, с растерянностью, и ответил: «Месье, за всю историю Франции не было случаев, чтобы кто-то уничтожал лозу. Даже во время войны старались щадить эту лозу. Это часть нашей культуры, это часть нашей истории, это наша кровь. Этого не может быть. Этого не может быть, потому что это не придет в голову ни одному французу».

Должен сказать, что это на меня произвело впечатление.

* * *

Недавно я рассказывал об одном впечатлении, которое я получил во время съемок документального фильма о Франции под названием «Тур де Франс». Вообще впечатлений очень много, и сейчас я хочу рассказать еще одну историю.

Я начну издалека. Вы знаете, что человечество всегда мечтало летать. Об этом свидетельствуют мифы и легенды: Дедал и Икар, летающий ковер и прочее. Но не все знают, что первый человек, который осуществил эту мечту, то есть поднялся в воздух, был француз. Его фамилия была Монгольфье. И вот он 4 июня 1783 года запустил первый воздушный шар. И в этом же году первый человек поднялся над землей на воздушном шаре. Впервые человек поднялся и поплыл в воздухе.

Так вот, каждое 4 июня в городе, где это произошло (а это произошло в городе Анноне), на Площади сапожников

проводят церемонию, во время которой повторяют этот запуск. Наша съемочная группа приехала в Анноне ночью, 3 июня, а 4-го мы присутствовали на этой церемонии. Это было необыкновенно интересно. Был установлен помост, вокруг которого за перегородкой собралась огромная толпа. На этом помосте человек двенадцать разложили точную копию того воздушного шара, который изобрел Монгольфье. Достали огромный чан, набили в него сена, зажгли. Сено горело, и горячий воздух заполнял и постепенно надувал шар, который держали над огнем. В конце концов в какой-то момент они отпустили веревки, и шар поднялся в воздух. Все выше, выше, выше... и вот он стал маленькой точкой.

Было много восторгов, все аплодировали, кричали. Но на меня главное впечатление произвели сами люди, которые запускали шар. Они были одеты в костюмы того времени. И кроме того, была целая группа как бы зевак – тоже в одежде XVIII века: пятилетние дети, подростки, взрослые, старики. Знаете, о чем я подумал? Я подумал: ведь вот для них их история будет не книжка, не что-то далекое и чужое. Это будет то, что произошло сегодня. Они проживают свою историю.

Никто им не приказывает это делать, каждый город организует такие вещи самостоятельно. Причем таких праздников во Франции сотни. Никаких комиссий. Никто ничего не проверяет. Зато у людей появляется ощущение: история – это я. Это не что-то чужое, это моя жизнь.

В этой передаче одна женщина, представитель старшего поколения, выразила свою глубокую благодарность Михаилу Сергеевичу за то, что он сделал. Разные люди оценивают это по-разному. Я лично всегда готов ему поклониться за то, что я не боюсь говорить, за то, что я могу ездить куда хочу, читать что хочу, смотреть в кино что хочу, зарабатывать как хочу. А без него этого бы не было... «никогда» – не скажу, но долго бы этого не было. Молодые люди, которые не знают, какая была жизнь тогда, иногда заблуждаются. Душило или не душило – ну, кого как. Меня лично душило. Я даже не мог тогда появиться на телевидении.

Так что огромное спасибо вам, Михаил Сергеевич.

II

2009–2010

* * *

Я редко говорю о международных вопросах, но сейчас, как мне кажется, есть повод. На прошлой неделе президент США Барак Обама заявил об отказе от плана Буша о размещении ракет-перехватчиков в Польше и радара в Чехии. Вообще в этом не было ничего неожиданного, это предполагалось, но тем не менее шума было очень много, очень много выступлений в самой Америке. Более либеральные, демократично настроенные люди это приветствовали, но есть немало и таких, которые были категорически против. Это наиболее ярко выраженные шовинисты, реакционно настроенные люди, и у них очень громкие голоса. И они просто зашлись, крича о том, что Обама прогнулся под Россию.

Что касается России, то и президент, и премьер-министр приветствовали решение Барака Обамы, как и многие другие. Но и у нас есть свои реакционеры и шовинисты среди политологов, политиков, моих коллег – журналистов телевизионных и не телевизионных, которые зашлись в истерике, а не по-другому. Что, мол, нельзя верить американцам, что

это все ерунда, это не надо вообще принимать как что-то серьезное и прочее.

Вообще говоря, Обама принял решение совершенно здравое для Америки, потому что план Буша была абсолютно пустым. В новом плане речь идет о размещении ракет среднего радиуса действия на юге, ближе к Ирану. Американцы боятся, справедливо или нет – время покажет, но боятся возможной иранской угрозы, одновременно улучшая таким образом отношения с Россией. То есть это два раза «да», два раза позитив. Но вот в обеих странах, и в России, и в Америке, есть эти группы, которые считают себя патриотами и которые так или иначе критикуют то, что сделал Обама.

Какая моя основная мысль? Что и те, и другие очень похожи друг на друга, их объединяет одно: ни те, ни другие не хотят, чтобы улучшились отношения между Соединенными Штатами и Россией. В этом-то вся загвоздка, и я хотел именно на это обратить ваше внимание.

* * *

В мае мы со съемочной группой уехали во Францию, чтобы снимать документальный фильм об этой стране, что-то вроде «Одноэтажной Америки», которую мы снимали три года тому назад, но уже о Франции. Разумеется, за много месяцев накапливаются впечатления. И я хотел просто поделиться с вами об одном из самых, пожалуй, ярких впечатле-

ний, которое только постепенно стало для меня ясным.

Это полное или почти полное отсутствие у французов каких-то имперских склонностей. Причем давайте вспомним: Франция была великой империей. Были колонии в Карибском бассейне, в Северной Америке, то есть и в Соединенных Штатах, и в Канаде. Были колонии в Азии, в частности, Индокитай. Были колонии в черной Африке, и в экваториальной Африке, и в Северной Африке. То есть было много колоний. И расставалась Франция со своими колониями очень непросто. Это были кровавые войны, в частности, во Вьетнаме, где французам нанесли очень тяжелое поражение, и затем в Алжире. В Алжире, заметьте, было восемь миллионов алжирцев и один миллион, как их называли, «черноногих» – это французы, колонизаторы, которые уже много поколений подряд жили в Алжире. То есть это были люди, которые считали, что это их страна.

Во время войны с Алжиром возникла организация, она называлась ОАС, это Организация секретной армии, лозунгом которой были слова: «Алжир был и останется французским». Были попытки убить де Голля, который в конце концов понял, что нужно отпустить Алжир. И несмотря на все это, прошло чуть больше сорока пяти лет – и действительно, во Франции нет этой ностальгии по империи. И это для меня очень важное впечатление.

Конечно, отказ от империи происходит тяжело, но это неизбежно. Все империи, которые мы когда-либо знали, в

какой-то момент прекратили свое существование. И я думаю, для россиян важно помнить об этом: что это неизбежно, но что это вполне переживается. На самом деле, легче жить без этих имперских устремлений, чем с ними. Во всяком случае, мне так показалось во Франции.

* * *

Я хотел бы вернуться к вопросу о том, как из моего выступления вырезали несколько слов, когда я благодарил за получение ТЭФИ в Питере. Разумеется, речь не обо мне, а речь, на мой взгляд, о явлении.

Несколько лет тому назад, когда моего близкого друга Фила Донахью принимали в Зал славы телевидения США, меня попросили сказать о нем несколько слов, что я сделал с большим удовольствием. И, в частности, я сказал, что Донахью – один из немногих, кто еще во взрослом состоянии продолжает задавать вопрос «почему?» и требовать на него ответ. Вопрос, который не любят ни родители, ни учителя, ни тем более власть. Так вот, это тоже транслировалось, и это вырезали. Причем когда я стал выяснять – почему, мне сказали, что просто это совпало с днем учителя в Америке и что могли обидеться учителя. Вот такая была милая история.

Так вот, в трансляции из Питера вырезали мою благодарность Горбачеву и Яковлеву, а также мою ссылку на президента США Авраама Линкольна. Выяснить подлинную при-

чину сего до сих пор никому не удалось, но сказали, что, мол, по техническим причинам. Вранье, конечно, это ясно. Но почему все-таки вырезали? Может быть, кто-то там наверху распорядился? Полная чепуха. Может быть, Горбачев стал персоной нон-грата, а заодно и Яковлев? Ну, и Линкольн тоже? Понятно, что это ерунда.

Значит, почему же это произошло? Я думаю, что у кого-то просто сработал такой автоцензор. Человек рассудил так: перестройка ныне в почете? Не очень. А гласность в почете? Не очень. А в почете ли Горбачев и Яковлев? Да кто его знает! А с другой стороны, если убрать это, то никаких неприятностей не будет, а вот если оставить, да кто его знает... лучше пусть будет так. А что до Линкольна, то тут и думать нечего. Во-первых, Линкольн – американец, а с Америкой у нас отношения, так сказать, неровные. Во-вторых, вообще Авраам – так что тут говорить? Конечно, его можно убрать.

Еще раз повторю: я не сомневаюсь, что это инициатива снизу, а не сверху. Но если бы сверху дали понять, что такая инициатива не приветствуется, я думаю, что это было бы неплохо.

* * *

Некоторое время назад было проведено чрезвычайно интересное исследование. В двадцати четырех странах пытались выявить отношение людей, живущих в этих странах, к

разным аспектам демократии. Это были самые разные страны – от демократических, таких как Франция, Великобритания, Германия, Соединенные Штаты, до совсем других, как Китай, Нигерия, Кения, ну и так далее. Всего двадцать четыре страны.

Так вот, если посмотреть на ответы российских респондентов (а в России тоже было проведено это исследование) и сравнить их со средним баллом, если угодно, других стран, выявляется довольно интересная вещь. Вот вопрос: «Насколько важно жить в стране с демократическим способом управления?» В России сказали «очень важно» или «довольно важно» – 60 %. А в других странах, если взять среднее, сказали так 90 %. Вопрос другой: «Насколько вам важно, чтобы люди с нехарактерными для большинства политическими взглядами имели возможность выражать их, не опасаясь преследования?» Примерно 65 % россиян ответили, что это очень важно или довольно важно. А в других странах получилось 90 %. Наконец, вопрос: «Насколько свободно люди с нехарактерными для большинства политическими взглядами могут сейчас выражать их в вашей стране, не опасаясь преследования и наказания?» Среди россиян чуть более 10 % ответили, что полностью могут, и примерно 40 % – что довольно свободно могут. В других странах, соответственно, это было 22 % и 40 %.

Ну, в общем, хуже, наверное, ответили только в Китае. И меня это несколько расстроило, хотя, вообще говоря, это не

было неожиданностью. Сейчас я объясню, что я имею в виду. Знаете, у меня есть внук, его зовут Коля. Но хоть он и Коля, но он родился в Германии, живет там, учится там, у него папа – немец. Ему пятнадцать лет. И Коля мне рассказывает, что когда их в школе учат истории Германии XX века, им говорят, что в нацизме виноваты не только нацисты, не только Гитлер, но весь немецкий народ. Потому что немецкий народ выбрал Гитлера и поддерживал его, и он несет за это ответственность. И в этом смысле очень правильное выражение, что каждый народ достоин своего правительства, достоин своей власти. А если задать этот вопрос применительно к России: кто несет ответственность за сталинизм, за советскую власть? Конечно, Сталин, конечно, ведущие люди в партии, но также и весь народ.

Так вот, отношение к демократии. Мы видим по результатам опроса, как у нас к ней относятся. И это же не власть выражает такую точку зрения. Хотя, конечно, власть отвечает за состояние демократии сегодня в России. Отвечает, но не только одна власть. Отвечаем за это и мы, то есть каждый человек, то есть народ. И, наверное, надо как-то подумать, перед тем как жаловаться, что у нас многие любят.

* * *

Эта программа вышла в записи. Я вообще не люблю записанные программы, обычно мы выходим в прямом эфире.

Вообще, все телевидение мира, в том числе и российское, все больше и больше идет в сторону записи. Ну, во-первых, это удобно для рекламы – можно взять наиболее сочные кусочки и дать их в эфир, чтобы привлечь зрителя. А во-вторых, это безопасно. Ну, записали, что-то там не понравилось, чик-чик – отрезали, и все хорошо. Так вот мы выходим в прямом эфире, но бывают непреодолимые обстоятельства: сейчас мы во Франции, завершаем съемки нашего фильма.

Поскольку я во Франции, хочу вам сказать два слова о французском телевидении. Я знал, что во Франции есть государственные каналы – второй, третий, четвертый. Кстати, во Франции они называются общественными. И есть, конечно, частные – первый канал, канал «Плюс» и так далее. Но вот чего я не знал. Примерно год тому назад президент Саркози заявил, что все государственные каналы вечером не будут давать рекламы, никакой. Вместе с тем он сказал, что правительство будет возмещать убытки, которые потерпят эти каналы из-за того, что вечером у них не будет рекламы. К чему это привело? Во-первых, к тому, что руководство этими каналами стало меньше думать о рейтинге. Рейтинг важен для рекламы. Собственно, стоимость рекламы определяется рейтингом. А тут рейтинг не имеет значения. Значит, можно было думать не о том, как найти самое большое количество зрителей, не обращаться к общему знаменателю, а наоборот, повышать уровень зрителя. Это первое.

И второе: нет рекламы – сокращается время. То есть в

каждом часе нет этих десяти или двенадцати минут рекламы. И поэтому вообще телевизионный вечер кончается часа на полтора раньше, люди раньше ложатся спать, высыпаясь. В общем, для здоровья неплохо. Вот так во Франции решили этот вопрос. Лично на меня это произвело сильное впечатление. Не знаю, как на вас.

* * *

На прошлой неделе в Великобритании разразился скандал, связанный с появлением в программе ВВС «Время вопросов» некоего Ника Гриффина. Для тех, кто не знает, программа «Время вопросов» (а ей уже тридцать лет) выходит в 22:30 на ВВС. Это дискуссионная программа, чрезвычайно уважаемая. А кто такой Ник Гриффин? Он лидер британской национальной партии, призывающей, скажем, к массовой высылке всех цветных иммигрантов, которые проживают в Великобритании. Вообще, кроме всего прочего, он проповедует враждебность к исламу, он назвал ислам извращенной и злобной религией. Он также не раз говорил о своем абсолютном отвращении к геям и лесбиянкам. Он отрицает холокост, он говорит, что на самом деле газовые печи были построены после войны специально, это была еврейская пропаганда. В общем, такой славный человек, который возглавляет славную партию.

Так вот, в июне этого года на выборах эта славная пар-

тия сумела выиграть два места из семидесяти двух, которые принадлежат Великобритании в Европейском парламенте, то есть получить чуть больше миллиона голосов, или 6,2 %. И исходя из этого ВВС сочла, что Ник Гриффин имеет право появиться на экране. Ну тут разразился страшный скандал, даже кабинет министров публично разошелся во мнениях. А в прошлый четверг, когда как раз записывалась эта программа, более тысячи человек собрались перед зданием ВВС, пытаясь помешать Гриффину пройти. Они столкнулись с полицией, полиция пустила в ход дубинки, шесть человек было арестовано. Ну, короче: он все-таки выступил, пять человек задавали ему вопросы, и еще сто человек присутствовали в аудитории.

Так вот, спор продолжается. Он сводится вот к чему. Надо ли, соблюдая формальные причины, давать фашисту возможность обратиться к массовой аудитории или не надо? Что важнее: свобода слова, свобода средств массовой информации или защита публики от опасных мыслей? Вот ВВС считает – первое, все-таки важнее свобода слова и свобода средств массовой информации.

У меня есть вопрос: как считаете вы?

* * *

Всегда ли народ прав? Этот спор возник, когда мы обсуждали следующий вопрос: должно ли первое лицо – неважно,

государства ли, города, области – должно ли оно быть избираемым всем народом или нет? Ну, конечно, спор шел применительно к России.

Одна точка зрения такая: в принципе, конечно, да, но в России избиратель еще не готов. Недостаточно политически развит, легко становится жертвой всяких демагогов, популистов и может избирать (и часто избирает) не того. Поэтому лучше, чтобы вот этих людей, скажем, на уровне города выбирала бы городская дума – все-таки люди в думе более компетентны, они лучше понимают в таких делах и так далее. Вот когда народ наберется опыта, тогда он пускай голосует. И вроде в этих рассуждениях есть некоторая логика. Но это только вроде.

Народ, конечно же, далеко не всегда выбирает правильно. Я могу вам привести несколько примеров, ну, например, немецкий народ выбрал – выбрал! – Гитлера. Американский народ аж дважды выбирал Джорджа Буша-младшего. Я не сравниваю Буша с Гитлером, но можно сказать, что это был не совсем правильный выбор.

Народ всегда может ошибаться, будет ошибаться, и никаких рецептов, чтобы этого не было, нет. Но вот какой вопрос. Какой такой мудрец в один прекрасный день скажет: «А вот теперь народ готов»? Такого человека нет и не будет. Как вы думаете, можно ли научиться плавать, если вообще не войти в воду? Вот если вас научат теоретически, как взмахивать руками, как работать ногами, как дышать, вы поплывете? Ра-

зумеется, нет.

Так вот, здесь то же самое. Теоретически научиться демократии нельзя, а выборы – это составная часть демократии. Пока научишься плавать, наглотаешься воды, будут судороги, а некоторые даже утонут. То же самое в демократии, все непросто, все неочевидно. Но, вообще говоря, так: либо ты умеешь плавать, либо не умеешь. Либо есть демократия, либо нет. По крайней мере, так думаю я. Как думаете вы?

* * *

Ровно двадцать лет тому назад, 9 ноября 1989 года, пала Берлинская стена, о чем сегодня говорят абсолютно все и, наверное, во всем мире. Сегодня вечером в Париже на Площади согласия состоится грандиозный праздник в связи с этим двадцатилетием. Хотя это будет происходить на Площади согласия, но согласия нет в одном вопросе, а именно: кто, собственно, есть тот человек, который привел к падению Берлинской стены?

Опросы общественного мнения в Соединенных Штатах показывают, что 90 % американцев считает – эта заслуга принадлежит Рональду Рейгану, сказавшему: «Мистер Горбачев, разрушьте эту стену», а также занявшему очень жесткую позицию в отношении Советского Союза. Те же опросы, проведенные в Европе, показывают: 99 % населения считают, что на самом деле это европейская политика, выражен-

ная Колем – с одной стороны и Миттераном – с другой. То есть политика, которая называлась Real politic, направленная не на конфронтацию, а на то, чтобы как-то договориться, именно эта политика и привела к падению Берлинской стены.

Я же придерживаюсь другой точки зрения. Представьте на одну секундочку, что в марте 1985 года генеральным секретарем ЦК КПСС на Политбюро избран был не Горбачев, а, скажем, Гришин или, не дай бог, Романов. Мне говорят так: «История не знает сослагательного наклонения», что правда. Действительно, что случилось, то и случилось. Но все-таки этот вопрос можно обсудить. Вот если б не было Горбачева, то что могло бы быть? На мой взгляд, вот что. Ведь СССР находился, в общем, в абсолютно проигрышном положении: экономически все больше отставал как от США, так и от Европы, даже от Китая. Сплошной дефицит. Все так называемые соцстраны хотели вообще выйти из этого соцлагеря, который все больше напоминал тюрьму. Вспомните, что было в Польше, как один пример. Советские республики, особенно республики прибалтийские, тоже вообще мечтали, как бы выйти. В самой Германии народ, я имею в виду в ГДР, совершенно уже хотел объединения. Вот эти чувства – уйти, объединиться и так далее – хлестали через край. Что можно было с этим сделать, если бы это был не Горбачев, а кто-то другой? Да очень просто – применить силу. Это мы делали не раз: делали в Венгрии в 1956 году, делали в Чехословакии

в 1968 году, были готовы это сделать, конечно, и в Польше. Если бы применили силу – а я думаю, что выхода бы другого не было, – началась бы третья мировая война.

Все дело в том, что был Горбачев. И для меня совершенно очевидно, что именно его заслуга в том, что СССР не пошел на конфронтацию, не пошел на столкновение, а согласился на то, на что согласился. Я думаю, что ему за это должны быть благодарны сотни миллионов людей. Это мое абсолютное убеждение. Сегодня двадцатилетие этого события, лично я за него выпью. А вы?

* * *

Я хочу сказать несколько слов о том, что я называю жизнью декларируемой и жизнью реальной. Причем на совершенно конкретном примере. Я начну с того, что председатель правительства РФ Владимир Владимирович Путин совсем недавно и далеко не в первый раз сказал, что «процедуры выдачи разного рода справок, правоустанавливающих документов далеки от совершенства. Надо здесь принимать энергичные меры для того, чтобы изменить ситуацию».

Это то, что декларируется, и это замечательно. Теперь посмотрим, что происходит в реальности. Совсем недавно у моего коллеги родился сын. Огромная радость, естественно. В связи с рождением решили получить материнский капитал – кстати, вещь совершенно замечательная. Но для того

чтобы получить этот материнский капитал, нужно собрать некие справки. Вот что нужно собрать. Нужно прописать, то есть зарегистрировать ребенка, и для его регистрации, а потом получения материнского капитала нужно собрать такие документы. Первое – заявление родителей по форме № 6. Это заполняет специалист по паспортной работе. Второе – заявление, написанное от руки, на имя отделения управления Федеральной миграционной службы района с просьбой о регистрации ребенка у матери или отца. Третье – заявление о том, что мать (отец) не возражает против регистрации ребенка по адресу отца (матери), заверенное по месту проживания отца (матери). Если один из родителей не гражданин РФ, то нотариально заверенное заявление. Четвертое – выписка из домовой книги, в которой прописан ребенок, или справка о том, что ребенок не зарегистрирован по адресу отца или матери. Пятое – единый жилищный документ, так называемый ЕЖД, с адреса, где будет регистрироваться ребенок. Шестое – если квартира в собственности, то свидетельство о собственности плюс ксерокопия. Седьмое – если квартира муниципальная, договор социального найма плюс ксерокопия с включенным в договор социального найма ребенком. Затем документы, подтверждающие родство: это свидетельство о рождении плюс ксерокопия, штамп о гражданстве РФ на свидетельстве о рождении плюс ксерокопия детям, родившимся до определенной даты, если один из родителей не является гражданином РФ. И, наконец, паспорт матери,

отца и, конечно, обязательно личное присутствие.

Я вас спрашиваю: вы представляете, сколько времени нужно, чтобы собрать эти документы? У меня возникает вопрос: а в каком воспаленном мозгу вообще возник этот весь реестр? И имеет ли это отношение к сугубо российскому выражению, очень меткому, которое называется «взяточность»? Вообще, чем объяснить поразительное несоответствие жизни вот этой декларируемой, которую хотят, и той жизни, которая реальная, которая есть? Лично у меня нет ответа на этот вопрос. А у вас?

* * *

Некоторое время тому назад Верховный суд РФ обратился в Конституционный суд с просьбой разъяснить, противоречит ли смертная казнь нашей Конституции. Это было связано с тем, что в свое время, когда Россия стала членом Совета Европы, она ввела мораторий на смертную казнь, поскольку нельзя быть членом Совета Европы, если есть смертная казнь. Но было сказано так: этот мораторий будет продолжаться, а вот смертная казнь может быть применена только после того, как суд присяжных будет введен во всех субъектах РФ. Что, собственно говоря, и произошло в 2009 году. И вот отсюда запрос.

Теперь надо вам сказать, что вообще во всех странах, которые принято считать цивилизованными, смертная казнь

отменена, причем уже довольно давно. И как показывает статистика в этих же странах, после отмены смертной казни убийств стало меньше, чем было до отмены. Единственная страна, где это не так, это США, где в 38 из 50 штатов есть еще смертная казнь. Но я не уверен, что США для нас в этом смысле являются примером цивилизованности.

Так вот, Верховный суд обратился в Конституционный суд, и на прошлой неделе Конституционный суд ответил так: «Мораторий продолжается. Пока. Сколько – неизвестно». И вот у меня возникает вопрос: а откуда такая робость у Конституционного суда по этому вопросу? У меня есть ответ. А вот интересно, у вас он есть?

* * *

На прошлой неделе член Генсовета «Единой России» Андрей Макаров выступил необычайно резко по поводу состояния Министерства внутренних дел. Вот несколько цитат, взятых мной наугад. «Модернизировать МВД, реформировать МВД невозможно, его можно только ликвидировать». «Система создана таким образом, что она убивает порядочность в людях, заставляет их работать непорядочно». «Надо вывести всю милицию за штат и начать очищение милиции с участием общественности, правозащитников». «Сегодня милицию боятся больше, чем бандитов. От бандита можно убежать, если повезет, его можно обезвредить. От милиции убе-

жать нельзя, обезвредить ее тоже невозможно». «Если вдруг ты попытаешься сопротивляться тому человеку в погонах, который тебя избивает, тебя тут же посадят за покушение на жизнь представителя власти». Ну и так далее.

Руководство «Единой России» быстренько сообщило, что это не есть точка зрения «Единой России», это точка зрения гражданина Андрея Макарова, чтобы это просто имели в виду. Один высокопоставленный милицейский чин высказался в том духе, что Андрей Макаров – враг страны. Вообще-то говоря, он, наверное, хотел сказать «враг народа», но вовремя сдержался. Он сказал, что если не будет милиции, то в стране будет полный произвол. Я думаю, что Макаров с ним согласен, просто речь идет о другой милиции. Правда, другой милицейский чин сказал: «А другой милиции у нас нет».

На следующий день, выступая перед курсантами милицейских вузов, министр внутренних дел Рашид Нургалиев сказал, я его цитирую: «Если идет нападение, то в любом случае должна быть самооборона. Например, я иду, допустим, по улице, а какой-то милиционер меня начинает бить. На основании чего? Я что, преступник? Конечно, наверное, здесь будет именно та заваруха, о которой мы говорим. Поэтому мы здесь все равны, а гражданин будет вдвойне равен». Вот как хотите, а для меня это заявление просто сенсационное. Получается, главный милиционер страны говорит нам с вами, что если на нас напал милиционер, ну вот такой распоясавшийся, то мы имеем право, по сути дела, дать ему

в морду. Это напоминает мне советский анекдот: «Имею ли я право? – Да, имеете. – А могу ли я?.. – Нет, не можете». Потому что если только предположить, что мы дадим сдачи милиционеру (даже если их будет двое или трое), в конце концов, скажут, что это мы напали на несчастных милиционеров и им пришлось защищаться. Ну а получилось то, что получилось.

Но вообще если министр сказал такие слова, можно представить, как его достали те самые люди, которыми он руководит. Это просто фантастика. Я в целом считаю, что Андрей Макаров молодец и что он прав. А как считаете вы?

* * *

Тема, о которой пойдет речь, непростая, для меня она непростая, я думаю, что для вас тоже. Она связана с памятником, который когда-то сделала Вера Мухина, замечательный скульптор. Это монумент «Рабочий и колхозница». Вы помните, памятник из нержавеющей стали, они устремлены вперед, держат в руках серп и молот? Вообще этот монумент впервые появился в 1937 году на всемирной выставке в Париже, постаментом ему служило как раз здание советской выставки. И это сразу было признано как совершенно замечательное творение, как очень талантливая штука.

Но у меня возникает вопрос. Теперь скульптура уже находится на своем старом месте. После долгих лет («Рабочего и

колхозницу» установили в 1939 году) она стала разваливаться. Поэтому монумент был демонтирован и восстановлен. И то ли уже его вернули на место, то ли вот-вот вернут, это не принципиально. Так вот, что символизировал этот монумент? Что это такое? Это памятник чему, если уж так поставить вопрос? На мой взгляд, это памятник советской власти, совершенно очевидно. Очень яркий, талантливый памятник.

Вообще говоря, таких памятников, разных символов советской власти, в стране очень много осталось. Большею частью они совершенно бездарны. Причем «бездарные» – не то слово. Это бесконечные памятники Ленину во многих городах. Это всякого рода серпы и молоты на фоне земного шара, которые можно увидеть на многих зданиях – в том числе, кстати говоря, на весьма официальных, в частности, на здании МИД РФ. Я уже не говорю о бесконечных улицах, носящих названия советских государственных деятелей. И даже на домах мраморные, металлические, ну и прочие доски, говорящие, что здесь жил такой-то. Совсем недавно, может быть, вы помните, шли горячие споры о том, надо ли поставить бюст Сталина на станции метро «Курская», которую восстановили, чтобы эта станция выглядела так, как в самом начале. Так вот, ради исторической достоверности надо поставить бюст Сталина, потому что вот тогда это так было. Не поставили, но зато красуется в рамке надпись, которая гласит: «Нас вырастил Сталин на верность народу», – слова из старого гимна.

Вот мой вопрос. Советский строй – это был какой строй? Этот вопрос, на мой взгляд, не решен. Скажем, немцы решили, что нацистский строй – преступный, и они категорически запретили любые виды этой символики, их нет в Германии. Итальянцы примерно то же самое решили по поводу времени Муссолини, хотя, может быть, не так строго. Испанцы вообще не так считают, и под Мадридом есть огромный памятник примирения, где захоронены как франкисты, так и их жертвы по линии гражданской войны, что, по-моему, вообще безобразие, потому что ни те и не другие не хотели бы лежать рядом. Ну, так решили. А что у нас?

То ли советский строй считается преступным, то ли, наоборот, он считается замечательным. Я бы хотел ясности в этом вопросе. А то получается вообще не история, а какой-то козлотур – ни то ни се. Поэтому меня смущают все эти вопросы, и поэтому я их ставлю перед вами. Я для себя пока полностью не ответил, хотя вроде бы приближаюсь к ответу. А вот вы? У вас есть свой ответ?

* * *

Ровно день в день двадцать лет тому назад в Москве умер Андрей Дмитриевич Сахаров. Двадцать лет назад, 1989 год. Год, когда мечты о перестройке и о гласности постепенно стали затихать. Время кровопролитий и в Риге, и в Вильнюсе, и в Баку, и в Тбилиси, и это было время, когда Андрей

Сахаров возвышал свой голос, защищая то, что он считал началом демократии в России. Было, правда, и другое время. Было время Брежнева и Андропова, время, когда людей сажали за инакомыслие либо запихивали в сумасшедшие дома — кстати, это личная выдумка Андропова. Либо лишали гражданства, выбрасывали за рубеж.

Вообще, в сталинское время того же Сахарова расстреляли бы, даже не моргнув глазом. Но в постсталинское это уже было невозможно, и поэтому его сослали в город Горький, ныне Нижний Новгород. Ну и как отреагировали на это советские люди? С большим восторгом. Правда, они не слышали никогда Сахарова, не читали ничего о Сахарове. Но какое это имеет значение? Зачем слышать и зачем читать? Раз партия сказала, что он враг, значит, он враг. Ну а насчет того, чтобы самому думать — а это зачем? Ничего хорошего от собственных мыслей не бывает. Вот было так. Ну, конечно, были другие люди, диссиденты. Люди невероятной смелости и отваги. Но их было крайне мало. Кто их слышал и кто их слушал? Потом все изменилось, Горбачев вернул Сахарова в Москву. Он стал, можно сказать, эталоном порядочности, эталоном гражданского отношения. Правда, все равно его захлопывали, когда он выступал в Верховном Совете СССР, но он хотя бы мог говорить. А это было очень важно.

Вот сегодня широко отмечается двадцатилетие со дня его смерти. О нем пишут, о нем делают фильмы. О нем говорят высокопоставленные лица, и это, конечно, очень хорошо. Но

вот у меня вопрос: а что если бы вдруг Сахаров был жив? Как вы думаете, что бы о нем говорили? И что бы говорил он о нынешнем обществе? Конечно, это сугубо теоретическая штука, так сказать, этого быть не может – его нет. Но все-таки можно над этим поразмыслить. У меня есть некоторое представление и о том, что говорили бы о нем, и о том, что Сахаров говорил бы о нас сегодня. А что думаете вы?

* * *

Сегодня, 21 декабря 1879 года, родился один из величайших злодеев в истории мира, по крайней мере, на мой взгляд, звали его Иосиф Виссарионович Джугашвили, но он был известен как Сталин.

Люди, ненавидевшие его, сравнивали и сравнивают его с Гитлером, и совершенно напрасно. Гитлер, конечно, был злодеем, можно сказать, людоедом, тут спора нет. Но он сжигал все-таки чужие народы, а не собственный. Он повинен в убийстве шести миллионов евреев, он повинен в гибели миллионов людей на фронтах войны, он повинен в гибели определенного количества немцев, которые придерживались иных политических взглядов, и понятно, ему нет прощения, и никогда не будет. Но надо признать, что Гитлер не истреблял все-таки собственный народ, в отличие от Сталина.

Трудно сосчитать, в гибели скольких миллионов советских людей, я подчеркиваю, советских людей, виноват Ста-

лин. Известно, что лагерей в Советском Союзе было значительно больше, чем концлагерей в Германии или в Польше.

Поклонники Сталина – их немало, между прочим, – говорят о том, что именно он превратил Советский Союз в индустриальную державу и именно благодаря ему Советский Союз победил в войне. Это, мягко говоря, заблуждение. Сталин своей насильственной коллективизацией уничтожил крестьянство, в результате чего страна, которая когда-то экспортировала зерно, стала импортировать его, стала страной вечных очередей, страной недоедания, страной дефицита. Это результат того, что он делал.

Что касается индустриализации, то какой ценой? Сколько людей работали как рабы, я имею в виду зеков, которые строили так называемые замечательные стройки социализма? Сколько там погибло людей ради этой самой индустриализации?

А что касается войны, то есть две очень яркие цифры. Германия, воюя на два фронта, потеряла 10 миллионов человек. Советский Союз, воюя на одном, потерял 27 миллионов, почти в три раза больше. А почему? Да потому что Сталин совершенно не готов был к этой войне, и именно эти огромные потери произошли в начале войны.

А кто победил? А победил народ и, конечно, победили замечательные маршалы, такие как Жуков, как Конев, как Рокоссовский. Но все-таки самое страшное Сталин сотворил с самим народом. Что он сделал из этого народа?

Я хотел бы вам прочитать маленький отрывок из замечательной пьесы Евгения Шварца «Дракон», как раз на эту тему. Вот на площади встретились Дракон и рыцарь Ланцелот.

Дракон: Мои люди очень страшные, таких больше нигде не найдешь – моя работа, я их кроил.

Ланцелот: И все-таки они люди.

Дракон: Это только снаружи.

Ланцелот: Нет.

Дракон: Если бы ты увидел их души, ох, задрожал бы.

Ланцелот: Нет.

Дракон: Убежал бы даже. Не стал бы умирать из-за калек. Я же их, любезный мой, лично покалечил, как требуется, так и покалечил. Человеческие души, любезный, очень живучи. Разрубишь тело пополам – человек околеет. А душу разорвешь – станет послушнее, и только. Нет-нет, таких душ нигде не подберешь, только в моем городе. Безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души, дырявые души, продажные души, мертвые души. Нет-нет. Жалко, что они невидимы.

Это про нас с вами, уважаемые дамы и господа. И пока мы как народ не признаем именно это, не извергнем из своих душ наследие дракона, то не будет ни толку, ни счастья. По крайней мере, так думаю я. А вы?

Украина у всех на устах, и это совершенно понятно. Непонятно же пока, кого украинский народ выберет в президенты – Юлию Тимошенко или Виктора Януковича? И вообще, это здорово, потому что так и должно быть при демократических выборах. А вот я задаюсь вопросами, мне это непонятно: здоров ли Виктор Ющенко? У меня этот вопрос возник после того, как он своим указом в пятницу наградил званием Героя Украины лидера Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии Степана Бандеру. Званием, я повторяю, Героя Украины. Я хочу напомнить вам, что летом 1941 года Бандера призывал украинский народ вместе с немецкой армией бороться, чтобы сломить Москву и убрать большевиков, ну и так далее.

Виктор Ющенко, конечно, потерпел очень тяжелое, я бы сказал, унижительное поражение во время первого тура голосования, не собрав даже и 6 % народных голосов, чего он, конечно, не ожидал. Вот я и подумал: может быть, он того? Может быть, от переживаний что-то с ним случилось? Ведь это можно понять, все-таки удар очень тяжелый. Потому что человек в здоровом уме и здравой памяти сделал героя из фашиствующего бандита. Ну, этому поверить трудно. Правда, если считать крайний национализм болезнью, то надо признать, что таких людей много, и, увы, не только на Украи-

не. Но чтобы президент... Любопытна реакция, вернее, любопытно ее отсутствие у нынешних кандидатов в президенты Украины, как у Тимошенко, так и у Януковича. Янукович, находясь в Херсоне, если я не ошибаюсь, как-то очень невнятно ответил на поставленный вопрос, сказав что-то по поводу того, что нужно быть президентом всей Украины, а не части. А Тимошенко, будучи во Львове, просто отменила пресс-конференцию, на которой, конечно, ей бы задали этот вопрос.

Но это понятно. Ведь каждый голос теперь на вес золота. И что бы ты ни сказал, кого-то ты обязательно заденешь. Поэтому-то и молчание золото, лучше ничего не говорить. В пятницу, между прочим, Ющенко сказал: «Я ухожу, чтобы вернуться». Звучит здорово, конечно, но лучше бы он сказал так: «Вы меня ушли, вы меня и вернете». Я в этом сомневаюсь. А вы?

* * *

Я долго думал, прежде чем решился затронуть ту тему, о которой собираюсь говорить. Дело в том, что в России, что бы ты ни говорил, тебе обязательно приклеят какой-нибудь ярлык. Но когда люди определенной политической ориентации приклеивают мне ярлык американца, врага, русофоба, чужого, меня это не очень волнует, потому что эти люди мне настолько чужие, что мне, в общем, безразлично, что они го-

ворят. Другое дело – те, которых называют демократами. Я говорю «которых называют», потому что все-таки я-то считаю, что большинство этих людей на самом деле не демократы, а радикалы. Это вещи разные, но, конечно, они мне много ближе, и мне небезразлично, что они думают и говорят обо мне. Тем не менее я буду говорить о том, о чем я долго думал.

Речь идет о разгоне вчерашнего митинга несогласных, который произошел на Триумфальной площади. Митинг должен был пройти как одна из акций протеста или защиты 31 статьи Конституции РФ, которая гласит следующее: «Граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». Вот это и есть вся статья. И вот, видимо, несогласные считают, что эта статья нарушается, и приняли решение 31 числа каждого месяца, в котором есть 31 день, проводить митинг защиты этой самой статьи. И они обратились заблаговременно к властям, говоря, что они будут проводить этот митинг именно 31 января на Триумфальной площади. Власти сказали «нет», то есть «Пожалуйста, проводите, но не на Триумфальной площади, вот вам три других места» – кажется, Болотная площадь, Тургеневская площадь и какая-то набережная. Несогласные не согласились, сказали: «Нет, мы все равно будем проводить митинг на Триумфальной площади». На это власти ответили: «В таком случае ваш митинг будет разогнан». Собственно, так все оно и произошло.

Теперь я спрашиваю. Говорит ли 31 статья Конституции о том, что можно проводить митинги и все прочее где угодно и когда угодно? Нет, не говорит. И, в общем, так не говорит ни одна из знакомых мне конституций, это совершенно очевидная вещь. Значит, предложив несогласным несколько вариантов, где можно проводить этот митинг, власти совершенно не нарушали Конституцию. А вот возразив и сказав «Мы все равно будем проводить митинг там, где хотим», практически несогласные выступили против закона. И не только закона. На мой взгляд, в данном случае они даже нарушают дух Конституции. Понимаете, я за гражданское неповиновение, когда речь идет о борьбе с репрессивными законами – тут надо бороться. Но это не тот случай. И как мне кажется, то, что произошло, скорее отдаляет перспективы развития демократии в России, чем приближает. По крайней мере, так мне кажется. А вам?

* * *

Если бы неделю тому назад меня спросили, что у меня общего с председателем Совета Федерации Сергеем Михайловичем Мироновым, я бы сказал: «Ничего общего у нас нет». И ошибся бы. Потому что, как оказалось, общее есть, а именно то, что после программы «Познер», гостем которой он был, и на него, и на меня обрушился вал критики.

На него навалилась целая группа депутатов «Единой Рос-

сии» за то, что он сказал не слишком комплиментарно об этой партии, и кроме того, о ужас, позволил себе не соглашаться с некоторыми политическими мерами председателя правительства. Дело дошло до того, что они потребовали, чтобы он ушел с должности. Ну а Андрей Исаев, который является первым заместителем секретаря Президиума Генерального совета партии, сравнил Миронова с крысой, бегущей с корабля. Я думаю, что в пылу, так сказать, своих переживаний он просто немножко заблудился, потому что – с какого корабля-то? Имеется в виду, что «Единая Россия», что ли, тонет? В общем, тут надо еще подумать.

Что до моей персоны, то я получил по полной за то, что я выразил некоторое несогласие с определенным действием несогласных. Ну, конечно, ни в случае с Мироновым, ни в случае со мной, по сути дела, не разговаривали, то есть не разбирали то, что мы говорили, это в России не принято, сразу просто перешли на личности. Но это было вполне ожидаемо.

А вот неожиданно было следующее: я совершенно не предполагал, что Миронов так ответит на эту критику. Я думал, что если будут его критиковать, он скажет: «Вы меня не так поняли». Ничего подобного. Он абсолютно резко ответил, сказав примерно следующее: «Я говорил что думаю, и буду дальше так говорить». Кстати, вот это тоже у нас с ним общее, потому что я говорил что думаю, говорю что думаю, и буду говорить что думаю. А если это кому-то не нравится

– ну, что поделаешь.

* * *

Эта программа вышла в записи. Так получилось, что ее надо было записать, потому что я не мог на ней присутствовать в день, когда мы должны были выйти в прямом эфире. Ну, иногда так случается, хотя вообще очень редко. Подавляющее большинство программ «Познер» идут в прямом эфире, потому что я абсолютный сторонник именно прямого эфира. По нескольким причинам.

Во-первых, совершенно другой нерв, другое напряжение. Потому что никто не знает – ни я, ни гость, – что будет через секунду. Это как игра в хоккей. Что будет – никто не знает. Этот нерв, он очень важен для настроения.

Во-вторых, именно из-за этого и я как ведущий, и мой гость или гостья ведут себя совсем по-другому. Когда запись, мы как-то расслаблены, а тут приходится быть начеку.

Но все-таки главная причина – это то, что прямой эфир, он и есть прямой эфир. Программа ушла – и до свидания, никто не может сказать: «Э, стоп-стоп! Одну минуточку! Вот тут давайте это перечитаем и скажем не так, а эдак». В этом смысле прямой эфир – это настоящее телевидение, это то, что происходит в данный момент, и никто вмешаться в это не может. Правда, мне могут сказать: «Ну, Владимир Владимирович, это вы немножко хитрите, потому что ваша про-

грамма действительно уходит на Дальний Восток как в прямом эфире, но потом повторяется по орбитам, и тут-то могут вмешаться». Это правда. Вообще мне очень жаль, что солнце встает не на Западе, а на Востоке. Потому что вставало бы на Западе, и прямой эфир был бы на Москву, на европейскую часть, где подавляющее большинство населения, – этого очень хотелось бы. Но с солнцем не поспоришь. Правда, был один человек, который даже пригласил солнце на чай и поговорил. Это тоже был Владимир Владимирович, но Маяковский. К сожалению, я этого сделать не могу. Но если говорить серьезно, ведь можно добиться того, и в этом я просто уверен, чтобы в этот процесс не вмешивались. Не вмешивались в орбиты, и даже не вмешивались бы в записанные программы. Можно так поставить вопрос.

И все-таки, возвращаясь к прямому эфиру, я хочу сказать, что для меня прямой эфир – это настоящее телевидение, а записанная программа – это как музыка под фонограмму. По крайней мере, так я это ощущаю. А вы?

* * *

Конечно, главная тема недели – это ГИБДД. Вчера в воскресной программе «Время» именно ГИБДД был посвящен первый сюжет, который длился чуть ли не пятнадцать минут. Речь там шла и об операции «Живой щит», и о представителе ГИБДД, который с видимым удовольствием ломает па-

лец водителю машины за то, что тот потребовал объяснения, почему его остановили. Ну и, конечно, об этом трагическом столкновении машин на Ленинском проспекте в Москве.

Я хотел бы коснуться именно последнего, потому что это наиболее вопиющий, если угодно, факт. И в то же время там есть ключ, на мой взгляд, к пониманию того, что происходит. Напомню вам, что на Ленинском проспекте столкнулись две машины. В одной машине были две женщины, это французская машина «ситроен». В другой машине, это «мерседес», помимо водителя был вице-президент компании «Лукойл». Столкновение произошло, потому что одна из машин выехала на полосу встречного движения. Обе эти женщины погибли. Очень быстро ГИБДД сообщило, что именно они-то и виноваты, что именно они-то и выехали на полосу встречного движения. Кроме сотрудников ГИБДД, в это не поверил, по-моему, никто. Во-первых, потому что у нас вообще считается, что если происходит столкновение, прямое или не прямое, между начальником и рядовым человеком, то всегда не прав начальник. Причем есть определенная причина, почему это происходит. А причина простая. Закон все-таки не одинаков для всех. Есть целый общественный слой, для которого закон не существует. А в данном конкретном случае, если добавить к этому, что вдруг не оказалось камер слежения, что куда-то исчезли съемки этого столкновения, что, вообще-то говоря, большой начальник более склонен выезжать на полосу встречного движения, чем обыкновенный водитель, —

все это вместе взятое, конечно, не оставляет особых сомнений у людей. Ну, значит, плохие работники ГИБДД.

Я не большой их поклонник, но хочу вам вот что предложить. Вот свежеиспеченный инспектор, свежеиспеченный, повторяю, получает наставление и выходит на дорогу. Ему сказано: он должен следить за порядком, чтобы законы выполнялись. И он видит, как целый ряд машин – ну, «мерседесы», «ауди», БМВ и прочие машины класса люкс – абсолютно спокойно нарушают правила, и при этом он даже не имеет права их останавливать. Это происходит все время. Значит, закон для этих людей вроде не писан. Тогда этот инспектор должен подумать: «Ну а для меня он писан?» А мы все с вами как реагируем? Да точно так же. Каждый из нас про себя думает: «Закон не для меня писан – это для другого». И там, где можем, мы пытаемся этот закон не выполнять. Вот в чем реальные проблемы, а не просто в ГИБДД. По крайней мере, так я думаю. А что думаете вы?

* * *

Буквально только что в Ванкувере закончились Паралимпийские игры. Да, это так называется – Паралимпийские игры по зимним видам спорта. Кто не знает, паралимпийцы – это люди, которых мы в России довольно обидно называем инвалидами, но во всем мире обычно о них говорят, что это люди с ограниченными возможностями. Это люди, которые

занимаются спортом, но при этом у кого-то нет ноги, у кого-то нет руки, ну и так далее. Так вот, наши паралимпийцы всех побили, выиграли эти Олимпийские игры с огромным отрывом. Я уверен, что им никаких особых денег не заплатят, особых машин (скажем, «ауди», переделанных для них) не дадут. Я даже сомневаюсь, что их примут в Кремле. И тем не менее выступили они совершенно блистательно. Насколько мне известно, кстати говоря, настоящие олимпийцы таких стран, как Канада, США, Норвегия, Германия, Корея, то есть которые очень сильно выступили, ничего не получали – никаких подарков, никаких особых денег.

В чем, на мой взгляд, истинная разница между нашими паралимпийцами и просто олимпийцами? Как мне кажется, эта разница заключается в мотивации. В одном случае – я говорю о паралимпийцах – это преданность спорту, это преданность делу, это стремление победить во что бы то ни стало, не ожидая никаких наград за это, кроме, разумеется, олимпийских медалей. Я не уверен, что это так в отношении так называемых олимпийцев. Кстати, как мне кажется, и во многих странах вот эта мотивация, просто победить и не завоевать ничего, кроме восхищения своего народа, очень характерна.

Вообще, без этой мотивации ни о каких громких победах говорить не приходится и надеяться не на что. По крайней мере, так мне кажется. Как вам? Ну, подумайте сами.

Не говорить о теракте, который произошел в московском метро, невозможно. Но и говорить крайне тяжело. И не только потому, что речь о горе, о смерти людей, о потере близкими своих любимых и так далее. Невыразимо трудно говорить, потому что, в общем, не знаешь, что сказать. Ведь как понять мозг террориста, который взрывается, чтобы унести жизнь десятков, а может быть, сотен людей, которые ему не нанесли никогда никакого зла? Вообще, на что рассчитывают те люди, которые подготовили этого террориста и сделали из него смертника? На то, что из-за террора что-то изменится в стране? Что они раскачают политическую систему? Что будет всеобщий страх и подавленность? Да нет, на это и не рассчитывают они. Они прекрасно знают, что в истории нет примера, когда терроризм одолел бы, когда народ уступил бы террору. Так, может быть, расчет на то, что из-за терактов в стране начнут завинчивать гайки? Запретят критиковать правительство, Государственную думу, займутся газетами, которые выражают несогласие, с инакомыслием, начнут за это наказывать. И что в результате этих мер не только прекратится движение к демократии, не только перестанут гулять какие-то либеральные идеи, но резко испортятся отношения с Западом. Может быть, тогда, думают они, не встретятся в Праге два президента, Медведев и Обама, что-

бы подписать договор об СНВ. И даже если и встретятся и подпишут, ну уж тогда точно этот договор не будет ратифицирован ни сенатом Соединенных Штатов, ни Государственной думой РФ.

Я высказываю эти предположения не случайно. Потому что уже у нас раздаются голоса, говорящие, что эти теракты произошли потому, что у нас такое положение в МВД, что у нас критикуют МВД, что у нас в последнее время гуляет некий негатив по стране, в политической части страны. Что у нас есть какие-то конфликты, и вот поэтому, почувствовав нашу слабость, ударили террористы. Хотя на самом деле все эти вещи говорят о силе.

На самом деле, терроризм – это ведь жест отчаяния, когда все проиграно, когда выиграть нельзя. Во-первых, есть только желание мстить, и есть надежда, что, может быть, мы попадемся на эту ловушку, ну, как в шахматах – «зевнем ферзя». Этим ферзем будет как раз движение к демократии, либерализму и сближение с Западом. Вот, возможно, на что расчет. Так вот, не дай бог нам попасться. Не дай бог.

* * *

Давайте для разнообразия поговорим о приятном. Совсем недавно, накануне окончания Паралимпийских игр в Ванкувере, я в этой программе восторгался результатами наших паралимпийцев. Но, кроме того, я говорил о том, что им

вряд ли дадут такие денежные премии, какие получили наши олимпийцы-медалисты. Что, конечно, никаких машин класса люкс, для них переделанных, они не получают, никакого приема в Кремле с президентом, конечно, не будет. Все это я предсказал – и ошибся. То есть все получилось ровно наоборот. То есть, действительно, им дали денежные премии, причем сильно увеличили их по сравнению с тем, что должно было быть изначально. Машины они получили. И в Кремле их принимал, поздравлял и награждал президент Медведев.

Повторяю, я ошибся. Вообще, если бы я был человеком самонадеянным, я бы сказал, что скорее всего, это из-за нашей программы – мол, мы подсказали, и они так и поступили. Но я человек не самонадеянный и прекрасно понимаю, что на фоне провального выступления наших основных олимпийцев и блестящего выступления паралимпийцев и без меня догадались, как надо поступить. Так что в своих негативных предположениях я ошибся. И дай бы мне бог почаще так ошибаться.

* * *

В завершение этой передачи я скажу несколько слов. Я хотел бы сказать, во-первых, что история Катыни все-таки совершенно определенно доказывает: в конце концов правда рано или поздно обязательно становится известна. Это может быть через десять лет, через семьдесят лет, это может

быть через сто лет – неважно. Она становится известна. Я это говорю именно в этой программе тем, кто не хочет слышать правды, либо, зная ее, не хочет о ней говорить, причем оправдывая это чувством патриотизма, или, так сказать, своей любви к стране. Так вот, патриотизм и любовь, по моему убеждению, не могут иметь в качестве фундамента ложь. Потому что этот фундамент в конце концов все равно развалится, и тогда-то развалится и патриотизм, и любовь к стране.

История Катыни, на мой взгляд, доказывающая, что правда все-таки вырывается наружу, не позволяет сомневаться в том, что Сталин был преступником. И не только один Сталин. Что люди, его окружавшие, были преступниками. И что их были не только сотни и не только тысячи, но даже и миллионы. Потому что партия, которую он возглавлял и которая принимала все решения, была преступной партией. Неприятно это говорить, но когда-нибудь надо. И я считаю, что до тех пор, пока будут сопротивляться этой правде, не давать ей возможности выйти на поверхность, это будет как кандалы на ногах страны и страна не сможет сделать широкий и свободный шаг. Придется признать эту правду. И чем раньше, тем лучше, потому что тогда это будет светлый день не только для России. И об этом, еще раз хочу подчеркнуть, говорит то, что произошло в Катыни.

Совсем недавно я встречался со студентами МГИМО, разговор шел о разных вещах, в том числе об интернете. И у студентов возник вопрос: не вытеснит ли интернет телевидение? Я сказал, что, по-моему, нет. Я вспомнил, что, когда возникло телевидение, пошли разговоры, что из-за телевидения исчезнет кино, исчезнет театр. Но, как видите, не исчезли. Но потом я стал размышлять над этим и подумал, что если телевидение будет закрыто для острых разговоров, для серьезных дискуссий по социальным и политическим вопросам, для критики властей, тогда, может быть, тут и произойдет для него смерть.

Я об этом подумал после того, как прочитал интервью Андрея Лошака с Андреем Хартли. Если вы не знаете, кто это, то я вам напомню очень коротко. 31 марта вот этот господин Хартли на своей машине Ford Focus ехал по Кутузовскому проспекту в сторону области в крайней левой полосе. И вдруг навстречу ему выезжает оттуда, навстречу BMW седьмой серии, то есть здоровенная представительская машина, и прямо упирается ему в капот, мол, давай, уступай дорогу. Но он не стал уступать, он взял свой фотоаппарат, установил на видео, вышел с этим фотоаппаратом, стал снимать, подошел к этой машине и попросил хозяина представиться. Тот хлопнул дверью, не стал отвечать. Из этого BMW вышел

шофер и попытался отнять камеру у Хартли. А тут из другой машины вышел какой-то человек и говорит: «Ты чего?» Тогда этот шофер понял, что ему лучше ретироваться. В общем, так закончилась эта история, и Хартли разместил это видео в интернете. Было огромное количество ответов, возмущенных, поддерживающих и так далее. И Лошак с ним встретился и сделал интервью.

Я не собираюсь вам пересказывать содержание этого интервью, можете сами прочитать его в интернете. Но я хочу сказать, что я подписываюсь под каждым словом господина Хартли. В частности, под тем, что «надоело бояться», под тем, что «надоело мириться с высокопоставленными чиновниками, которым плевать на тебя, да и на закон», и что «надоело молчать». И по поводу молчания вот что я хочу сказать. Если пресса, как печатная, так и электронная, будет молчать, то в этом случае интернет их, конечно же, заменит. И если, задавая свои вопросы, студенты МГИМО, элитного вуза, именно это имели в виду, то, как мне кажется, они были правы.

* * *

Ровно двадцать четыре года тому назад, 26 апреля 1986 года, произошла катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции. Если вам достаточно лет, чтобы помнить то время, то вы помните о том, что вам об этом тогда ничего

не сказали. Ни одно печатное СМИ, ни одно радио, ни одна телевизионная станция ничего об этом не сообщила. Ни 26, ни 27, ни 28, ни 29, ни 30 апреля, ни 1 мая. И, кстати, о 1 мая. В этот Международный день солидарности трудящихся наши трудящиеся участвовали в парадах в разных городах, в том числе и в Киеве. В Киеве этот день был пасмурный, серое небо, и шел мелкий противный дождь, радиоактивный дождь. Только те, которые шли с детьми под этим дождем, этого не знали. Кое-кто знал, в частности, партийное руководство, конечно, они-то знали. И они вывезли своих близких и любимых из города Киева подальше. Партийная элита так понимала свой долг перед народом.

Вы скажете, что это дела давно минувших дней? Я согласен. Но это дело, которое надо помнить хотя бы для того, чтобы не забывать, в чем все-таки главный смысл журналистики. Он не в том, чтобы кому-то доказывать свою точку зрения. Он не в том, чтобы красоваться на бумаге, или в эфире, или на экране. Смысл и долг журналиста только в том, чтобы информировать как можно более точно, как можно более беспристрастно, как можно более честно. И только этот долг и существует у журналиста, другого нет.

* * *

В начале этой программы я сказал, что интервью с маршалом Жуковым было приказано уничтожить. Почему? Только

по одной причине: потому что он говорил правду. Я считаю, что все те, кто участвовал в этой войне, ветераны, их дети, близкие, имеют право знать о войне. И это, если хотите, шаг в эту сторону. В этот день я от себя, от всех тех, кто делает программу «Познер», от всей души, от всего сердца поздравляю всех ветеранов, всех их близких с этим замечательным праздником – победой в Великой Отечественной войне.

* * *

В этот день, 24 мая, поэту Иосифу Бродскому исполнилось бы семьдесят лет. Человек, которым ныне гордится вся Россия, лауреат Нобелевской премии, в свое время был выброшен из страны. До этого его судили как тунеядца. Он говорил, что он поэт, но, поскольку он не был членом Союза советских писателей, поэтом он не считался. Считался он тунеядцем.

Я помню, я тогда работал у Самуила Яковлевича Маршака литературным секретарем, и помню, как Самуил Яковлевич дико возмущался процессом над Бродским, которого судили за тунеядство.

Помню, как вся советская печать, все советские средства массовой информации единодушно осуждали и поносили Бродского. Помню и то, как множество людей, никогда Бродского не читавших, говорили: да, действительно, он враг, он никакой не поэт, он не советский, ну и всякое такое. Так же

точно, как осуждали они и Пастернака, и Солженицына. Говорили примерно так: «Я не читал того-то или того-то, но раз партия говорит, то я ей доверяю».

Вот прошла четверть века. Я хотел бы вас спросить: мы изменились по сравнению с тем, какими были тогда? Если вот нам вдруг скажут, что такой-то – вор, такой-то – враг, а мы этих людей не знаем, мы сразу примем на веру? Скажем: «Да-да, конечно!» Будем кричать: «Ату его, ату!» Нет?

Возможно, я ошибаюсь, когда считаю, что не сильно мы изменились. Но полагаю, что все-таки нет, не ошибаюсь. Ну, в общем, как бы там ни было, как мне показалось, в день семидесятилетия великого поэта Иосифа Бродского стоило бы над этим чуть-чуть подумать.

* * *

В начале этой программы я упоминал, что у меня была спортивная травма. В результате ее надо было сделать операцию на плечевом суставе, и я ее сделал в Мюнхене, в одной клинике. И вот интересно получилось. Как раз когда я был в Мюнхене, состоялся матч, финальный матч на Кубок европейских чемпионов по футболу между командами «Бавария» и «Интер» (Милан). «Интер» (Милан) – итальянская команда, понятное дело, «Бавария» – немецкая команда, как раз из города Мюнхена. Ну и конечно, в день игры весь город был в форме и в цветах «Баварии» – это красное с черным,

а к вечеру не было ни одного свободного места ни в одном баре, где был телевизор, там просто битком было набито. И я смотрел по телевизору, ну и многие из вас, наверное, смотрели и видели, как «Интер» играючи, вообще говоря, расправился с «Баварией». То есть было совершенно очевидно, что у этих команд разный класс.

На следующий день «Бавария» прилетала в Мюнхен. Я в это время гулял, операция уже была сделана, я мог гулять по городу. И я увидел, что десятки тысяч, я не преувеличиваю, десятки тысяч мюнхенцев собираются на площади возле ратуши. Там была установлена эстрада, и туда привезли игроков. Вы бы видели, какой им устроили праздник, как им аплодировали, как им кричали «Молодцы!». Это при том, что они проиграли, причем проиграли так явно. Но вот чувство, я не знаю, благодарности, преданности выражалось таким образом. И это заставило меня кое о чем подумать. Попробуйте догадаться, о чем.

* * *

Хочу поделиться с вами одним материалом, который мой приятель прислал на электронную почту.

Вот представьте себе, что есть мир, и мы его сократили до 100 человек, но сохранив все пропорции, которые существуют. В этом случае 57 из них были бы жителями Азии, 21 – Европы, 14 – Америки (имеется в виду вся Америка,

и Южная, и Северная, и так далее), и всего лишь 8 – из Африки. 52 человека были бы женщинами и 48 – мужчинами. 30 из них были бы белые, 70 – не белые. 30 христиан, 70 не христиан. 89 – гетеросексуалы и 11 – гомосексуалы. Шесть человек обладали бы 59 % всех богатств в мире, и все они были бы американцами из США. 80 человек из 100 жили бы в бедности. 70 не умели бы читать, 50 голодали бы или недоедали. 1 умирал бы в данный момент и 1 рождался бы в данный момент. 1 из 100 имел бы компьютер, и 1 из 100 имел бы высшее образование.

Теперь подумаем вот еще о чем. Если вы можете отправиться молиться там, где вы молитесь, без боязни того, что вас избыют или убьют, то вы один из счастливчиков по сравнению с тремя миллиардами людей, которые этого счастья не имеют. Если у вас есть холодильник хоть с какой-то едой, если у вас есть хоть какая-то одежда, крыша над головой и где спать, то вы богаче 75 % всего населения Земли. Если у вас есть хоть какой-то счет в банке, хоть какие-то деньги в кошельке или какие-то монетки в сумке, то вы относитесь к восьми наиболее счастливым людям из 100.

Вот таков наш мир. Я думаю, что об этом иногда надо размышлять. Особенно когда мы жалуемся.

* * *

Я не знаю, смотрите ли вы футбол, первенство мира. Я

смотрю. И смотрю с превеликим удовольствием. Даже не столько потому, что это такой замечательный футбол. Он разный, бывает и замечательный, бывает не очень. Я смотрю с удовольствием потому, что там не играет сборная России. Я прошу не кидаться на меня с кулаками, дайте мне объясниться.

Дело в том, что в отсутствие сборной России наши телекомментаторы, самые разные спортивные телекомментаторы с разных каналов, могут комментировать футбол. Они не должны объяснять неудачи российской команды тем, что ветер дул не в ту сторону, что судья необъективный, что из-за этих вувузел там чего-то не услышали, что вообще погода не та. Ничего они не должны. Они просто комментируют футбол и делают это, на мой взгляд, с удовольствием и профессионально. Я лично, повторяю, получаю от этого колоссальное удовольствие.

Это не значит, что я бы не хотел видеть сборную России на первенстве мира. Я надеюсь, что в следующий раз она все-таки пройдет. Но я также надеюсь, что к этому времени спортивные комментаторы не будут считать обязательным проявлять патриотизм именно в том, чтобы все время оправдывать неудачи нашей команды, а тоже будут, как они делают сегодня, просто комментировать футбол. И от этого те, которые любят эту игру, а нас очень много, будут получать удовольствие.

Сделаю такое признание. Эта программа транслируется в записи. И вот почему. Обычно программа моя уходит, так сказать, в отпуск в последний понедельник июня. И, соответственно, я тоже готовлюсь уехать. Но вдруг я получаю сообщение, что она должна выходить до 19 июля. Ну что делать? Значит, надо записывать программу, что я и сделал. Теперь главное. Вообще все мои программы выходят в прямом эфире. Их видят в таком качестве зрители на Дальнем Востоке. Ну а потом они повторяются, идут, так сказать, соответственно по орбитам. Солнце встает на востоке, поэтому, конечно, в первый раз программа в прямом эфире выходит на Дальнем Востоке. Прямой эфир, вообще говоря, это и есть для меня телевидение. В этом весь смысл. Смысл в том, что никто, ни ведущий, ни гость, ни зритель – вообще никто не знает, что будет через секунду. Этот нерв, эта сиюминутность, тот факт, что вы свидетель того, что происходит тогда, когда это происходит, это, конечно, и есть телевидение.

К большому сожалению, прямого телевидения все меньше и меньше. Не только в России, вообще. Тому две причины. Первая, конечно, реклама. Если вы запишете программу заранее, потом можно взять наиболее сочные куски и выдать их в эфир для рекламирования программы, чтобы зрители посмотрели. Ну это понятно.

Второе — это, конечно, то, что имеет некоторое отношение к цензуре. Потому что если записали программу, то если что-то в ней не понравилось кое-кому, это можно вырезать. И вырезают.

Вот именно поэтому я всегда отказываюсь участвовать в программах, которые записывают. И именно поэтому я настаиваю на том, чтобы программа «Познер» выходила в прямом эфире. Но бывают некоторые исключения.

Поскольку эта программа записана, то я в этой своей «прощалке» не скажу ничего такого, что могло бы вызвать раздражение кого-либо — я имею в виду, из начальства. Чтобы, не дай бог, они ничего не вырезали.

* * *

Это последняя программа «Познер» в телевизионном сезоне, и поэтому я решил не нагружать вас каким-то серьезным разговором, а сделал я вот что. Я выписал все вопросы Марселя Пруста, свернул их в бумажки, положил в мисочку и вытащил десять штук. И вот я теперь буду отвечать на вопросы Марселя Пруста, которые мне достались. Это может быть любопытно.

«Кто ваш любимый литературный герой?» Д'Артаньян.

«Какая ваша главная черта?» Терпение.

«Каким талантом вы хотели бы обладать?» Умением рисовать.

«О чем вы больше всего сожалеете?» О том, что лучшие свои годы жизни я отдал пропаганде советской системы.

«Какое слово вы больше всего не любите?» Слово «никогда».

«Если бы дьявол предложил вам вечную жизнь без всяких условий, вы согласились бы?» Нет.

«Если бы вы могли встретиться с одним-единственным человеком из всех, которые когда-либо жили, кто бы это был?» Леонардо да Винчи.

«Чего вы больше всего боитесь?» Акул.

«Что для вас предел счастья?» Полностью выразить себя в любви, в детях и в работе.

«Представ перед Богом, что вы скажете ему?» «Как тебе не стыдно?»

Это был Владимир Познер.

III

2010–2011

* * *

Я хотел бы вам напомнить, что вчера исполнилось ровно девять лет со дня террористического акта в Нью-Йорке, который привел к тому, что башни-близнецы были разрушены и погибло около трех тысяч человек. Я часто задумываюсь над тем, что когда гибнет один человек, на нас это производит большее впечатление, чем когда гибнут тысячи. Возможно, просто нам трудно соотнести это с собой. Вот один человек – это как я, а три тысячи – не сосчитать. И в этом случае мне иногда кажется, что надо говорить так: попробуйте представить, что это один человек, но три тысячи раз. Тогда, может быть, ощущение будет другим.

Вообще, вы понимаете, откуда берется терроризм? Почему человек с готовностью сам идет на гибель ради гибели многих других, которых он совершенно не знает, никогда не видел? Почему это происходит? Конечно, человека можно убедить, что он делает благое дело и ему воздастся на том свете. Но все-таки, как ни говори, жизнь – это и есть наша сущность. И неестественно идти на гибель. Как мне кажется,

терроризм в своей основе – это выражение абсолютно крайнего невозможного отчаяния, просто абсолютно неодолимого. Дайте человеку хоть проблеск надежды, и он на это не пойдет, если, конечно, не убедить его в том, что именно это и есть проблеск его надежды.

Словом, есть над чем подумать.

* * *

То, что произошло сегодня, в какой-то степени событие знаковое. Я имею в виду приход в эфир федерального министра, причем это министерство очень непростое и подвергающееся серьезной критике. Правда, у меня и раньше были министры. Был Фурсенко, был Шойгу, был Мутко. Но в общем приходят они с великим трудом. А некоторые министры, сколько бы раз мы ни обращались к ним, вообще не приходят. Хотя это министерства, которые как раз вызывают ваш интерес. Почему же они не приходят? Конечно, отчасти потому, что они не хотят отвечать на то, что они называют «провокационными вопросами». На самом деле, провокационный вопрос – это вопрос, который не нравится. И отвечать они не хотят.

Но есть вторая причина. Дело в том, что наши очень многие, по крайней мере, высокопоставленные чиновники, не только в Москве, но и в регионах, считают, что они вовсе не обязаны перед вами отчитываться, не обязаны объяснять

свои поступки или законы. «Подумаешь, вы и так скушаете», – это у них у многих сидит в сознании. И это вторая причина, очень серьезная. В таких более отсталых странах, как США, Великобритания, Франция, Англия, Германия, Италия, даже Япония – она уж совсем отсталая, там, когда приглашают такого человека, он бежит в эфир, потому что у него есть возможность перед своим будущим избирателем объяснить, изложить, пропагандировать точку зрения своего правительства. И более того, эти люди часто звонят и просят в эфир. И, кстати, им эфир не всегда дают.

Так вот, приход в нашу программу Татьяны Алексеевны Голиковой, министра сложного Министерства здравоохранения и социального развития, быть может, говорит все-таки о некотором сдвиге. В общем, ей спасибо. Поживем – увидим.

* * *

Встреча с Владимиром Машковым настроила меня на некоторый философский лад. Я хотел поговорить вот о чем. В тридцатых годах XIX века один французский аристократ, звали его Алексис де Токвиль, поехал в США. Он хотел понять, почему демократия (все-таки Америка – это страна первой современной демократии) оказалась сильнее, чем тот строй, в котором он родился, то есть строй аристократов, уничтоженный во Франции в 1789 году. И он пробыл в Аме-

рике довольно долго, и в результате написал книгу, которая называется «О демократии в Америке». Эта книга, вышедшая в 1835 году, считается просто абсолютным шедевром до сегодняшнего дня.

В этой книге де Токвиль признает, что демократия сильнее. И он говорит: «Это потому, что демократия берет все наши привилегии. А какие у нас были привилегии? Мы не должны были работать, мы могли самоусовершенствоваться, мы могли изучать философию, историю, учиться музыке, языкам. А значит, эти привилегии были взяты демократией и распределены на все население. И получился очень тонкий слой. Все равно это дает очень большую силу».

«Но вместе с тем, – говорил де Токвиль, – эти люди никогда не оставят тех памятников, которые оставили мы. У них не будет такой архитектуры, у них не будет таких картин, не будет таких книг, потому что демократия этому не способствует».

Вот прав он был или нет? Мне представляется, что да, все-таки был прав. И я могу привести пример. Демократия продолжает развиваться и, может быть, один из самых ярких признаков демократии или проявлений демократии – это интернет. Интернет, который дает каждому человеку, вне зависимости от того, где он, возможность получать информацию и самовыражаться. Блоги, чаты и все прочее. Это демократия. Но давайте посмотрим, а каково качество этой информации? А как выражаются люди? Вот так считаешь их

– и понимаешь, что эпистолярному жанру пришел полный конец, люди разучились писать. Люди говорят по-русски и на других языках гораздо хуже своих предков. Гораздо хуже. Опять – широкое распространение и при этом снижение уровня. Очень любопытная вещь.

* * *

Я бы хотел вернуться к тому, чего мы слегка коснулись в программе, а именно к тому, как используют иногда ссылки на западный опыт разные группы, разные люди в нашей стране. Вообще нельзя смотреть без смеха (ну, по крайней мере я без смеха не могу смотреть) на то, как наши национал-патриоты с пеной у рта в гнев кричат: «Запад нам не указ! Запад нам не указ!» Они об этом кричат на различных митингах, в газетах, по радио, по телевидению. Они разные: чисто выбритые и лысые, или очень волосатые и бородатые, большие и маленькие, кто в гражданском, кто в форме, ну и конечно, кто-то в рясе. Но если вдруг им попадаетея нечто такое на Западе, что подкрепляет их точку зрения, тут они бросаются на это, как жаждущий в пустыне на только что найденный оазис, и пользуются: «Вот, смотрите, там во Франции, там в Германии...» – и прочее, и прочее.

Наши демократы-либералы делают ровно наоборот. То есть то же самое, но ровно наоборот. Если они находят на Западе что-то такое, что не работает, то они это игнориру-

ют и говорят, что это неправильно, это не так, это ошибка и прочее.

Я вам скажу откровенно, что мне, конечно, гораздо ближе либералы. Демократические либералы мне ближе. Но они мне не близки, и тут есть разница.

Хочу сказать одну вещь. На этом самом пресловутом Западе люди выходят на демонстрации по поводу положения у них дома, то есть по внутривнутриполитическим проблемам, защищая себя или защищая кого-то. Но они также выходят на демонстрации, защищая людей, живущих не в их стране – в Африке, в Азии, и в том числе и в России. А наши никогда не выходят с тем, чтобы защитить кого-то там, их волнуют только они сами. Я никогда не видел, чтобы они выходили в защиту кого-то в Африке, в Азии или, не дай бог, в Америке.

Вот когда они так выйдут не только за себя, лично я очень обрадуюсь.

* * *

Давайте поиграем в такую нереальную игру. Представим себе, что я оказался в списке выдвинутых на пост мэра города Москвы и что президент страны именно меня рекомендует Думе. Вот я бы сказал: у всякого большого города масса проблем, Москва не исключение. Есть проблемы традиционные, например, жилищный вопрос. Он давний, крайне тяжелый. Решается, на мой взгляд, не всегда правильно, но

все-таки решается, становится все же лучше.

Есть новая проблема, а именно проблема транспорта. Давайте будем иметь в виду, что другие мегаполисы, Париж, Лондон, Нью-Йорк и так далее, развивались вместе с автомобильной промышленностью. Постепенно машин становилось больше, и город выстраивал соответствующую инфраструктуру. Всякого рода гаражи, паркинги и прочее. Поэтому шло это нормально. Москва – это совсем другое дело. Для нас автомобильный бум был совершенно неожиданным. Так же, впрочем, как неожиданным был развал Советского Союза. Сегодня это является острой проблемой, она мешает жить всем. Она мешает жить и тем, у которых нет машин, и тем, у которых есть машины, не говоря об экологии города, которая страшно страдает. Я считаю, что это главная проблема Москвы. И поскольку бюджет у Москвы тоже ограниченный, есть важные вещи, крайне важные, где сокращать финансирование не надо, это определенные социальные программы. А есть важная проблема, вот эта. И мы будем тратить деньги прежде всего на это. Будем строить подземные гаражи, и через пять лет проблему мы эту решим.

Вот я бы так выступил. Но, увы, не могу.

* * *

Как известно, я завершаю каждую программу небольшим заключением, которое, как правило, не касается того, о чем

мы говорили в программе. Эта часть программы получила название «прощалка». Кажется, это придумала телевизионный критик Ирина Петровская. В общем, название, на мой взгляд, симпатичное и точное. Симпатичное – не могу объяснить почему, но просто симпатичное, да и все тут. А вот точное – ну, довольно ясно почему.

Во-первых, потому что на самом деле я с вами прощаюсь до следующего воскресенья, это очевидная вещь. Во-вторых, это может быть очевидно не всем, но когда я завершаю ту или иную программу, у меня нет никакой уверенности, что следующая состоится, потому что – а вдруг моя программа кому-то там сильно не понравилась? То есть это может быть прощалкой и на самом деле.

Вы можете сказать: «Это вообще бред какой-то. У вас, Владимир Владимирович, паранойя». На что я вам скажу: да, может быть. Но человек, который долго работал в СМИ, сначала советских, потом российских, всегда настороже, и когда звучит какой-то колокольчик, как у павловской собаки, у него начинается, скажем так, слюноотделение, в данном случае – ощущение «ой, что-то может быть». Так это вырабатывается.

Во всяком случае, я хотел вам об этом рассказать, а если я ошибаюсь, то уж конечно вы меня извините.

Я хотел извиниться за то, что, видимо, в моей прошлой прощалке неделю тому назад я многих напугал: многие решили, что мою программу закрывают. Я совсем не то имел в виду. На самом деле, как видите, не закрывают. Но мысль моя была довольно простой. Я говорил о том, что когда нет гарантий свободы слова, когда нет уверенности, что она будет защищена (а у нас, к сожалению, это так), то человек, который работает в средствах массовой информации, волей-неволей работает с оглядкой. Вот, собственно, и вся мысль была.

А дальше вот что. Я буквально два дня тому назад вернулся из Парижа, где я мог наблюдать за тем, что там происходит. Мощные демонстрации, протесты, о чем говорят не только во Франции, как вы знаете, но и во всем мире. Правы демонстранты или не правы демонстранты – вопрос другой. Ведь реформирование пенсионной системы – это сложное дело. И конечно же, никак нельзя поддерживать тех, кто переворачивает машины, сжигает их, бьет витрины. Но меня абсолютно восхищает то, как французы выступают за свои права, как они за них борются, как они мгновенно выходят на улицы. Пусть не всегда они правы, главное не это. Главное то, что невозможно передоверить ни одной партии, ни одному правительству, ни одному человеку свои права. Вот

в чем главная правда. И еще вторая правда есть – за свои права отвечаем мы сами, причем за права друг друга. И вот это во Франции усвоили давно и очень прочно.

* * *

Программа «Познер» выходит в прямом эфире, не в записи. Выходит, естественно, в 23 часа, и это означает, что для того чтобы нас могли смотреть в это время на Дальнем Востоке, в Москве мы эту программу выдаем в эфир в 15 часов – разница между европейской частью и Дальним Востоком 8 часов. Вот так получается, что дальше программа повторяется по так называемым «орбитам». А это означает, что если какое-то событие происходит в Москве или в европейской части страны после 15 часов, то мы этого не видим и мы не успеваем отразить это в программе, потому что мы уже вышли для наших зрителей на Дальнем Востоке, в Сибири и так далее. Я это говорю к тому, что ведь бывают очень важные события, а мы не успеваем сказать о них, потому что они произошли позже. И таким событием, на мой взгляд, сегодня является тот самый митинг, который произошел на Триумфальной площади в Москве.

Я не раз высказывался по поводу и организаторов этого митинга, и тех, кто называет себя оппозиционерами, и тех, кто защищает 31 статью Конституции РФ. И говорил о властях, в частности, властях Москвы, которые уже, по-моему,

одиннадцать раз разгоняли этот митинг. Не буду повторяться.

Я хочу сказать вот что. То, что митинг наконец-то разрешили, лично меня наводит на позитивную мысль в том смысле, что власть, видимо, поумнела. Вот поумнели ли те, которые выходят постоянно, время покажет. Одно несомненно. Сам факт, что этот митинг разрешили провести, следует рассматривать как шаг, пусть небольшой, но шаг в сторону демократии, шаг в сторону создания гражданского общества. А это, по-моему, не может не радовать. Вот, собственно, то, что я хотел сказать.

* * *

По праздничным дням программа «Познер» не выходит. Видимо, она недостаточно праздничная. Но нет худа без добра. Благодаря такому положению вещей я могу уезжать в путешествия. И вот я этим воспользовался, буквально позавчера вернулся из восьмидневной поездки в Иран. Было очень интересно. Конечно, у меня нет возможности подробно об этом рассказывать. Но о трех вещах я бы хотел вам сказать.

Первое. Иранцы – необыкновенно приветливы, улыбки, любознательны и в общем не производят впечатления людей подавленных, довольно откровенны в своем отношении к нынешнему режиму. Мне показалось, что большин-

ству он не нравится, но это, так сказать, навскидку. И кроме того, для них иностранцы прямо как люди с другой планеты. Немножко напоминало мне Советский Союз. «Откуда вы, что вы, можно с вами сфотографироваться?» Любопытно.

Второе – это пробки в Тегеране. Они такие, что Москва просто отдыхает. Это что-то невероятное. Водят они абсолютно виртуозно, но иностранцу все время кажется, что вот-вот будет настоящая катастрофа и смертельный исход. Вообще при населении в 70 с чем-то миллионов, то есть в два раза меньше, чем население России, ежегодно у них погибает на дорогах 21 тысяча человек. Это все-таки очень много.

Ну и третье, пожалуй, самое интересное. Я там общался с одним очень интеллигентным известным человеком, не стану называть его фамилию и профессию, который является противником нынешней власти. И я его спросил: «Скажите, пожалуйста, как вы считаете, иранское правительство, иранская власть хочет создать свое ядерное оружие?» На что он мне ответил буквальное следующее: «Я не знаю. Власть всегда будет говорить “нет” на этот вопрос. Но могу вам сказать абсолютно ясно и четко, что народ хочет, чтобы у Ирана было ядерное оружие. И рассуждает так. У всех наших соседей такое оружие есть: у России есть, у Индии есть, у Пакистана есть, и у Израиля есть. Почему оно не может быть у нас, тем более что мы находимся, так считают, во враждебном окружении». «А вы так считаете?» – спросил я. «А какое это

имеет значение? — ответил он. — Так считает большинство иранцев».

* * *

Нельзя спорить с человеком, у которого ты берешь интервью. По крайней мере, я так считаю. Если вы следили за моими программами, то видели, что я, в общем, никогда не спорю. Хотя иногда бывает желание возражать, и иногда просто сил никаких нет, как хочется. И в частности, это происходило сегодня.

Поэтому я, в качестве исключения, позволю себе возразить, но не собственными словами, а словами человека куда более мудрого и, конечно, талантливого, чем я. Я имею в виду великого американского писателя Уильяма Фолкнера. Я хочу воспользоваться некоторыми словами из его Нобелевской речи.

Вот что он сказал: «Я отказываюсь принять конец человека. Легко сказать, что человек бессмертен просто потому, что он выстоит; что когда с последней ненужной твердыни, одиноко возвышающейся в лучах последнего багрового и умирающего вечера, прозвучит последний затихающий звук проклятия, что даже и тогда останется еще одно колебание — колебание его слабого неизбывного голоса. Я отказываюсь это принять. Я верю в то, что человек не только выстоит — он победит. Он бессмертен не потому, что только он один сре-

ди живых существ обладает неизбывным голосом, но потому, что обладает душой, духом, способным к состраданию, жертвенности и терпению».

* * *

1 декабря – это Всемирный день борьбы со СПИДом. Я вообще занимаюсь этим довольно давно. За последние четыре года я объездил сорок шесть городов РФ, где на местном телевидении проводил ток-шоу по поводу положения дел именно там, в этом регионе. Совсем недавно меня пригласили стать членом комиссии высокого уровня Объединенных Наций по профилактике ВИЧ/СПИДа, и я с гордостью и удовольствием согласился. Так что я с вами говорю сегодня и как журналист, и если угодно, как представитель Организации Объединенных Наций.

Вообще в мире за последние годы сумели добиться довольно заметных успехов в этой борьбе. В пятидесяти шести странах либо достигли успокоения, то есть число новых ВИЧ-инфицированных не растет, либо даже сумели добиться резкого снижения этого показателя.

Но исключение в этом отношении составляют страны Восточной Европы и Средней Азии. Вообще 90 % всех новых случаев инфицирования ВИЧ в этом регионе идет за счет Украины и России. Украина занимает первое место в Европе по количеству новых ВИЧ-инфицированных. Официально

в России зарегистрировано 570 тысяч ВИЧ-положительных людей. Это официально. Сколько не тестировано и сколько не зарегистрировано – это никому не известно. Самое, пожалуй, трудное, самое неудавшееся пока в России – это как раз вопрос профилактики. Вопрос элементарный: как учить людей защищаться от ВИЧ, объяснять им, откуда болезнь берется, как она передается и как надо относиться к ВИЧ-инфицированным.

Так вот, я считаю, что есть причины, по которым именно так обстоит дело, и с профилактикой все не совсем хорошо, а можно бы сказать даже, совсем нехорошо. По-моему, есть три причины. Причина первая: в Министерстве здравоохранения, в частности, в Московской Государственной думе, да и в некоторых других организациях, есть люди, которые говорят, что никакой профилактики не надо, а просто надо проповедовать воздержание и верность. Кстати, вещи очень хорошие, но никак не могущие заменить профилактику. Эти же люди говорят, что надо запретить употребление слова «презерватив», особенно в школе, что вообще не нужно говорить молодым людям, подросткам вот о таких вещах. Это раз.

Второе: есть довольно большая группа людей, которая утверждает, что вообще такого заболевания нет, что это, так сказать, обман. Обман и больше ничего. Я хочу вам сказать с полным основанием, ответственно и ставлю свою репутацию на это, что они либо ошибаются, либо лгут. И в том, и

в другом случае то, что они говорят, преступление, потому что это как бы сигнал подросткам, что не надо ни о чем беспокоиться, можно спокойно вести себя так, как мы себя ведем, потому что никакого заболевания нет.

И третье: мы с вами, журналисты, средства массовой информации, говорим об этом один раз в году – 1 декабря. А в остальное время говорим мало, невнятно и зачастую очень непрофессионально. И поэтому дела обстоят так, как они обстоят, то есть далеко не блестяще.

* * *

Когда некоторое время назад газета «Нью-Йорк Таймс» стала печатать секретные документы общения американских посольств с Госдепом, то вряд ли у кого-нибудь могло быть сомнение, что это наносит ущерб США. И вот, мотивируя свое решение все-таки печатать эти материалы, несмотря на ущерб, главный редактор газеты «Нью-Йорк Таймс» Билл Келлер написал довольно пространную колонку в газете. Естественно, я не буду цитировать ее всю, но я хотел вашему вниманию представить то, что мне кажется самым главным в этом рассуждении. При этом мой перевод чуть-чуть коряв, но это потому, что я стремлюсь к максимальной точности, а не к языковым красотам.

Вот что он написал: «Газета “Таймс” считает, что эти документы служат важному общественному интересу, освещая

цели, успехи, компромиссы и неудачи американской дипломатии в такой степени, с которой не могут сравниться другие отчеты. Но главная причина публикации этих статей заключается в том, что эти телеграммы рассказывают не приукрашенную историю того, как правительства принимают свои главные решения. Решения, которые обходятся стране дороже всего в плане жизней и денег. Они проливают свет на мотивации и в некоторых случаях на двуличность союзников, пользующихся уважением и помощью Америки. Они освещают дипломатию, окружающую две современные войны и несколько стран, в частности, Пакистан и Йемен, где растет американское военное участие. Как бы ни было страшно публиковать эти материалы, несмотря на официальные возражения, было бы самонадеянностью сделать вывод, что американцы не имеют права знать о том, что делается их именем».

* * *

Откуда берется этот национализм, шовинизм, ксенофобия, которые вот сейчас мы наблюдаем в России? По-моему, берется еще со сталинских времен. Вообще, когда всех развели по национальным квартирам, у всех в паспортах обязательно должна была быть указана именно национальность – гражданство не важно, а важно, кто ты: татарин, калмык, русский, еврей и так далее. Это все тогда ведь зарождалось.

А что происходит сегодня? Да сегодня ничего не происходит. Где в школе учат тому, что нужно относиться одинаково к людям вне зависимости от религии, цвета кожи и так далее? В школе этому не учат. Учат, может быть, в средствах массовой информации? Нет, не учат. Может, родители учат? А государство что делает в этом плане, регулярно, серьезно, понимая, что это важнейшая задача для такой страны, как Россия? На мой взгляд, не делает ничего.

Я вспоминаю разговор, который у меня был с Борисом Николаевичем Ельциным еще в 1990 году, когда он баллотировался в Верховный совет РФ. И по ходу этого интервью я ему задал вопрос, что он думает об организации «Память». Была такая, я бы сказал, профашистская, очень шовинистическая организация. Борис Николаевич, который вообще отвечал прямо на все вопросы, «ушел под корягу», не захотел ответить. Я и так, и сяк, а он никак. После интервью он меня похлопал по плечу и сказал: «Владимир Владимирович, я-то все понимаю. Но мне нужны их голоса».

Может быть, и сейчас кому-то нужны такие голоса?

* * *

Это последняя программа в 2010 году. Так что, конечно же, я и все мои коллеги поздравляем вас с наступающим Новым годом и желаем вам всех благ. Но я недаром сказал «мои коллеги». Дело в том, что телевизионная программа – это не

тот человек, который на экране. Конечно, он играет определенную роль, но это командная работа.

Мне всегда бывает обидно, что люди, которые делают эту программу наравне со мной, без которых этой программы нет, никому не известны. Их фамилий нет в эфире, иногда только быстро проскакивают какие-то титры, которые никто не читает.

Поэтому я считаю своим долгом и очень хочу сообщить вам, что эту программу делают Артем Шейнин – руководитель программы, Антон Петров – шеф-редактор, Роман Бутовский – режиссер программы, Александр Жуковский – оператор-постановщик, Гурам Харатишвили – второй режиссер, Фатима Шавгенова – это редактор, Кристина Лисакovich – ассистент режиссера, Александр Сычев – режиссер монтажа, Вадим Иванов – координатор и помощник руководителя (это я руководитель, имейте в виду), Александр Науменко – редактор оперативной графики, Владимир Копейкин – менеджер проекта, Леонид Слуцкий – старший администратор, Екатерина Клеова – гример (я хорошо выгляжу, конечно, но вы понимаете, что без нее я бы выглядел много-много хуже). Вот это та команда, по-моему, лучшая команда на телевидении, которая делает программу «Познер». Ее делает также и Познер Владимир Владимирович, желая вам всех благ.

Из недавних событий меня заинтересовали два. Первое – это арест генерал-лейтенанта милиции Бокова. Он отвечал за борьбу с оргпреступностью и терроризмом на территории СНГ, и оказалось, что у бравого генерала два гектара земли на элитной Рублевке, семиэтажный особняк – три этажа под землей, четыре этажа над землей, бассейн, ну и всякая прочая, так сказать, мелочь. И вот замели бедного генерала, когда оказалось, что он требовал от кого-то взятку в четыре миллиона долларов, а тот возьми да и сообщи, ну, не милиции, очевидно, но куда-то еще. И его арестовали.

Вот я подумал: интересно, этот генерал жил себе поживал на своих гектарах на Рублевке в семиэтажном особняке и ничего не происходило, он себе жил и жил, пока не попался... А между тем нам говорят о том, что идет отчаянная борьба с коррупцией. Вот чего-то я не совсем понял.

И второе. В «Комсомольской правде» была небольшая статья о том, что в элитной центральной музыкальной школе при Консерватории (кстати, в этой школе училась моя дочь) произошел такой случай. Старший брат некоего Ромы избил одиннадцатилетнего Леву за то, что этот Лева что-то не так сказал этому Роме. Но избил его так, что у того было сотрясение мозга, он попал в больницу, и свидетелями этого были одноклассники. Они написали письмо завучу о том, что слу-

чилось. Но тут такая беда: оказалось, что отец этого Ромы – человек, занимающий довольно высокий пост в одной нефтяной компании, помогал центральной музыкальной школе деньгами и, в частности, в покупке рояля «Стейнвей», за что ему, конечно, большое спасибо.

Очевидно, и директор, и завуч решили, что лучше не говорить об этом, потому что можно лишиться такого донора. И поэтому детям, написавшим это письмо, было сказано: «Ничего такого не было, вы ничего такого не видели, и этот самый Лева все сам придумал. И чтобы вообще об этом больше не говорили. Если будут спрашивать, то вы ничего не знаете». Мало того, еще этот Лева, который считался очень хорошим учеником, способным, вдруг стал посредственным с точки зрения других, и учителей, и прочих. Вы понимаете, наверное, о чем я говорю.

И в конце этой статьи автор, журналист, мой коллега ставит вопрос: «А вообще надо ли говорить правду?» Такой риторический вопрос. Я хочу поставить вопрос другой. Вот вы видите какую-нибудь связь между генерал-лейтенантом милиции, который безнаказанно и долго ворует, и детьми одиннадцати лет, которых учат врать? Вот, собственно говоря, и все.

* * *

Полагаю, что мои критики, особенно телевизионные, а их

немало, обязательно выскажутся по поводу того, что Познер в своей программе ничего не сказал о теракте в аэропорту Домодедово. Вот почему не сказал? Ну и я хотел бы вам это объяснить (потому что объяснять телекритикам – это дело в общем-то безнадежное).

Подумайте вот о чем. В течение всей этой недели буквально во всех новостных информационных и аналитических программах только об этом и говорили. Причем говорили все, кому не лень, а вообще, ни у кого не было лени. Говорили люди, ничего в этом не понимающие, говорили с апломбом, твердо, зная, объясняли, кто это, как это, почему это. Хотя люди, которые занимаются непосредственно этим вопросом, пока что молчали. Говорили журналисты, разумеется, говорили политики самые разные, как те, которые в силе, так и те, которые в оппозиции. Превратилось это все, на мой взгляд, в гигантскую говорильню, которая, судя по всему (по крайней мере, мне кажется), всем изрядно надоела. Я не специалист в вопросах терроризма, я только понимаю, что не добравшись до самих причин этого явления, справиться с ним невозможно. Самые жесткие меры безопасности могут помочь, но они не решат проблему кардинально, и это совершенно понятно.

Я могу сказать, например, по поводу водителей, которые взвинтили цены бог знает на какой уровень, когда люди просили их везти из Домодедово домой в Москву. Об этих я могу сказать, что они – подонки и сволочи. Я могу сказать о тех

людях, которые специально приезжали в Домодедово, чтобы бесплатно везти людей оттуда, и было таких немало. О них можно сказать, что они хорошие, нормальные люди. Кстати, в России стало так, что когда человек нормальный и хороший, он считается чуть ли не героем.

Я могу сказать, что серьезные меры безопасности были приняты на следующий день (а дело в том, что я на следующий день утром улетал и оказался в Шереметьево в терминале D), и толпы людей стояли на улице и мерзли, потому что их не запускали внутрь, поскольку проверка была не подготовлена. Я могу сказать, что это была реакция довольно-таки советская и довольно-таки глупая, говорящая о том, что на самом деле, по крайней мере, для этих людей отдельно взятый человек не имеет большого значения. Все это я могу сказать.

А насчет самого теракта – увольте. Дождусь официальных разъяснений, а вот уж там поговорим.

* * *

Совершенно неожиданно для себя я недавно стал ньюсмейкером. Это слово жаргонное, профессиональное, означает человека, который вызывает интерес СМИ. А случилось это так. В среду на Первый канал пришел председатель правительства Владимир Владимирович Путин, чтобы переговорить с журналистами. Ну вот среди этих журнали-

стов был и я. Конечно, вопросы задавали самые разнообразные. Но в какой-то момент, ближе к концу встречи – а это было очень поздно, встреча кончилась в два часа ночи, – я все-таки сумел задать свои вопросы. Я сказал, что у меня, собственно, два вопроса и одна просьба.

Первый вопрос такой: считает ли он, что министры и члены правительства должны приходить в эфир, чтобы отвечать на вопросы о том, что происходит в их ведомствах и что они делают. На что он ответил: да, они обязаны это делать, они должны разъяснять народу все эти вещи. Я сказал: «Вот отсюда моя просьба». Потому что есть целый ряд людей (я не стану здесь их называть – ему-то я сказал, кто они), к которым мы обращались десятки раз, и они не приходят. И может быть, он найдет возможным на заседании правительства высказать свое отношение к этому.

Что касается второго вопроса, то я его спросил, против ли он того, чтобы в эфире Первого канала появлялись представители оппозиции? Причем я, конечно, имел в виду не оппозицию в виде Зюганова или там еще кого-то, а реальную оппозицию. На что Владимир Владимирович ответил, что он вообще не очень это отслеживает, но ему кажется, что они появляются. Я возразил, что они появляются, например, на «Эхе Москвы», но никак не в эфире федеральных каналов. Тут Владимир Владимирович сказал: «Да, действительно, они появляются на “Эхе Москвы”, и вообще часто врут». Ну, собственно говоря, пускай. Я не стал по этому поводу

возражать или спорить, я лишь переспросил: «Все-таки, вы против того, чтобы они появлялись в эфире Первого канала?» На что он ответил: «Вовсе нет».

Ну и вслед за этим буквально взорвался интернет. И не только интернет: об этом стали говорить и писать, и рассуждать. В общем, бог знает что.

Я бы хотел коротко разъяснить свою позицию. Меня как журналиста интересует любой ньюсмейкер. Мне совершенно все равно, какая у него политическая платформа, он меня интересует как явление. Я считаю, что если он что-то такое делает, что обращает на себя внимание, то зрители должны о нем знать вне зависимости от того, какие у него взгляды. Вот, собственно, и все. И я надеюсь, что в моих программах эти люди будут появляться. Ну, со временем. Я надеюсь, что так будет. Время покажет.

* * *

По странному стечению обстоятельств сегодня исполняется тридцать три года моей первой поездке за рубеж. Я приехал в Советский Союз в 1952 году и был невыездным двадцать шесть лет. По причинам понятным. Во-первых, биография не такая, которая вызывает доверие. Но главное – это второе: то, что я отказывался сотрудничать с органами.

Тем не менее, в 1978 году стараниями тогдашнего председателя Гостелерадио СССР Сергея Георгиевича Лапина ме-

ня отправили в Финляндию. Многие помнят, а многие вовсе не знают, что для того чтобы поехать за рубеж, надо было сначала в райкоме пройти комиссию так называемых старых большевиков. Мы между собой называли их «старые б». Ну, одним словом, я пришел, стою перед ними, а эти люди имели право задавать любой вопрос. И если им не понравится ответ, отменить твою поездку.

Вот заместитель начальника отдела кадров Гостелерадио СССР докладывает: «Познер Владимир Владимирович, комментатор главной редакции радиовещания на США и Англию, морально устойчив, политически выдержан, общественник». Ну, весь этот набор. И когда он закончил, председатель комиссии, обращаясь к своим коллегам, говорит: «Вопросы к товарищу Познеру есть?» И тут какой-то довольно пожилой отставной полковник говорит: «Да, у меня есть вопрос». – «Пожалуйста». «Товарищ Познер, – говорит он, – вот было сказано, что вы выступаете у микрофона со своими материалами, работая в главной редакции радиовещания на США и Англию. А вы что, оба языка знаете?» Как я не рассмеялся ему в лицо, я не знаю. Это было очень трудно. Я ему сказал, что английский и американский языки очень похожи. В общем, я поехал в Финляндию и держал в потном кулаке семь долларов в день командировочных.

Ну, у разных людей разные воспоминания о советском времени, разное отношение к нему, у каждого свое.

19 февраля погибла Раиса Яковлевна Беспечная. Большинство людей, конечно, не знали, кто она, и если и узнали, то только если смотрели вчерашнюю вечернюю программу «Время». Но ее знало все телевизионное сообщество, уважало ее и очень любило. Погибла она нелепейшим образом во дворе собственного дома. Ее не заметил водитель машины, когда давал задний ход, въехал в нее, и вот ее не стало.

Я не хочу отвлекать вас своим отношением к ней, хотя я с ней проработал четырнадцать лет. Скажу только, что ее уход оставил дырку в моем сердце. Но я хочу сказать о другом. Я много езжу по Франции, и недавно вышла моя книжка о Франции. Так вот, что главное во французском характере? То, что француз живет сегодняшним днем, он живет сегодня. Это по науке называется «экзистенциализм». Он понимает, что сегодня есть, а что будет и будет ли вообще завтра, он не знает. Да никто не знает. Да что там завтра? Что будет через минуту. И поэтому француз старается получить максимум от каждого мгновения жизни, максимум хорошего, максимум удовольствия.

Так, знаете ли, живут далеко не все. «Это я потом, это я завтра...» Да и вообще получение удовольствия от жизни, умение радоваться жизни – как-то не очень, что ли, встраивается в общий взгляд. То ли дело переживать, страдать,

жаловаться, ругаться по совершенно пустяковым вопросам, особенно если соотносить их с жизнью как таковой. Тут, видимо, ничего не поделаешь, речь идет о национальном характере. А жаль.

* * *

Все-таки поразительная вещь власть. Я часто задаюсь вопросом, почему стремятся к ней? Ну, одни, очевидно, просто хотят властвовать над другими, и это их как-то греет. А другие, очевидно, считают, что они знают, как всем остальным надо жить, в том числе нам с вами, и хотят быть у власти, чтобы это претворить в жизнь. И мне, честно сказать, не симпатично ни то, ни другое. Но это я так, между прочим.

Главное, о чем я хотел сказать, так это о том, что происходит с людьми, которые были у власти, а потом власти лишаются. Как они меняются? В отношении России, особенно Советского Союза, об этом трудно говорить, потому что обычно те, кто находится у власти, так и умирают прямо у власти. Но были исключения. Например, тот же Ленин. Вы никогда не читали ничего, что писал Ленин, когда он фактически был отстранен от власти? Вообще это стоит вашего внимания. Или, скажем, взять Хрущева. Один мелкий пример. Хрущев последними словами поносил скульптора Эрнста Неизвестного, просто уничтожал его, фактически вынудил уехать из страны. Но когда уже Хрущев не был у власти,

он заказал Эрнсту Неизвестному памятник на собственную могилу. Чувствуете, нет? То же самое Ельцин. Чем закончил Ельцин, когда он понял, что он уходит из власти, и прощался? «Простите меня». Да и Михаил Сергеевич – не исключение. И вы могли убедиться в этом в очередной раз, когда он пришел на нашу программу.

Вот и получается, что власть застилает глаза, затыкает уши и вообще плохо действует на мозги. И чем дольше человек находится у власти, тем больше это проявляется. Поэтому я-то считаю, что надо ограничивать время пребывания человека у власти. Неважно, будет это четыре года, шесть лет, восемь. А может быть, даже и двенадцать. Важно ограничить. По крайней мере, я думаю, что это очень полезно.

* * *

Я обещал высказать несколько соображений по поводу той катастрофы, которая постигла Японию. Я, как и все остальные, смотрел и смотрю репортажи разных телевизионных компаний, российских, BBC, CNN, да и многих других. И меня совершенно поражают две вещи. Первая – это невероятная сила природы. И вторая – это абсолютное бессилие людей. Максимум, на что мы с вами способны, это предупредить о том, что будет бедствие, и в данном случае предупредить за 30–40 минут, поскольку волна цунами идет со скоростью 500 километров в час.

Вообще, когда вы смотрите на эти картины, снятые спутником сверху, и вы видите, каким был город до катастрофы и каким он стал потом... Я не знаю, как у других людей, но у меня возникли в памяти картины городов, которые были подвергнуты бомбежкам во время Второй мировой войны. Бомбили много, часто, массово, и все равно ничего похожего не было, тем более за 10–15 минут. Город просто исчезает, его нет.

Кстати о картинках. Один мой товарищ – мы вместе делаем эту программу – сказал мне с возмущением, что он смотрел в интернете, как люди жаждут увидеть самые страшные картинки: побольше крови, побольше трупов, побольше ужасов. Это правда. И после этого я думаю: «Ну-ну. А как же вы укоряете телевидение за то, что телевидение дает чернуху? Понимаете, телевидение дает как раз то, что вы сами хотите видеть, только у вас нет смелости сказать об этом прямо и откровенно. Вот в чем дело».

Но не это самое главное, конечно. Самое главное вот что. Нет ли вообще у вас ощущения, что многострадальная природа в конце концов начинает нам подсказывать, что у нее терпение кончается? Подсказывает разными способами, неприятными, я бы даже сказал, катастрофическими, но подсказывает. Нет ли у вас ощущения, что мы с вами, все мы, люди, немножко забыли, что мы, кто мы и от чего мы зависим?

Я много раз говорил, что я не религиозный человек, что я

атеист, но вот если посмотреть на легенду о Ноевом ковчеге с другой точки зрения: была какая-то очень высокоразвитая цивилизация людей, которые считали, что они-то – венец природы, и на природу хотели плевать. Тогда эта история чуть-чуть по-другому читается, не так ли?

* * *

Вчера произошло знаменательное событие – прекратила свое радиовещание Русская служба BBC. Произошло это тихо, спокойно и без особых каких-то проявлений интереса со стороны публики. Я думаю, что многие зрители этой программы вообще не слушали никогда Русскую службу BBC. А ведь не так давно, на самом деле, слушали ее очень многие.

Вещание этой службы началось 24 марта 1946 года, то есть в общем шестьдесят пять лет она была в эфире. Ее успех, равно как и успех многих других «голосов», как у нас назывались радиостанции, вещавшие на русском языке из-за бугра, «Голос Америки», Deutsche Welle и так далее, заключался в том, что они говорили о вещах, о которых не говорили в Советском Союзе. Было просто запрещено об этом говорить, и люди, конечно же, их слушали. Советское правительство, партия делали все возможное, чтобы все-таки не могли слушать, и глушили вот эти «голоса». Были специальные глушилки по всей стране. Они издавали такой довольно противный звук, немножко похожий на звук воздушной

тревоги. Тем не менее, это не очень работало.

В общем, по некоторым подсчетам эти разные «голоса» слушали до 40 миллионов человек в Советском Союзе. И, пожалуй, наибольшим доверием как раз пользовалась Русская служба ВВС, она казалась наиболее выдержанной, объективной и точной. И некоторые ее комментаторы, некоторые ее голоса, так сказать, стали чуть ли не легендарными: был такой Анатолий Гольдберг или Сева Новгородцев – просто как пример.

Где-то подсчитано, конечно, сколько потратила советская власть на глушение. Глушили 24 часа в сутки круглый год и в течение нескольких десятилетий. Вы себе представляете, сколько это могло стоить? Эта цифра совершенно гигантская. И все равно люди находили способ слушать это, потому что человеку свойственно желание знать правду, желание знать то, что якобы ему знать не надо.

Вот в те времена, о которых я говорю, другого места, где можно было это найти, не было, и искали вот там. Сегодня, когда многие наши СМИ не пользуются слишком большим доверием с вашей стороны, люди ищут правду в интернете. И, кстати говоря, Русская служба ВВС ушла в интернет.

* * *

30 марта, когда не стало Людмилы Гурченко, меня не было в Москве. Я был в Лондоне на праздновании восьмиде-

сятилетия Михаила Сергеевича Горбачева. А вернулся я в Москву вчера поздно вечером, и поэтому не успел попрощаться с Людмилой Гурченко.

Мы были знакомы довольно давно, но совсем не близко. Людмила Марковна была у меня в передаче как-то, несколько раз мы встречались на разных вечерах. Я один раз был у нее дома и один раз танцевал с ней вальс. Она спела «В городском саду играет духовой оркестр», а пела она это так, как никому не снилось, и после этого под эту музыку пригласила меня на вальс. Да-да, именно она меня, потому что у меня никогда бы не хватило духу пригласить ее. Спела она бесподобно, танцевала она бесподобно. Да и вообще это была совершенно бесподобная женщина, и я, как всякий нормальный мужчина, был немножко в нее влюблен.

Странно, я никогда не видел «Карнавальную ночь», то есть фильм, с которого началась ее популярность. И уже больше не увижу – я даже не хочу его видеть теперь. В первый раз я ее видел в кино в «Пяти вечерах», и она меня совершенно потрясла. То есть впечатление такой силы, которое так за все эти годы и никуда не ушло. Она была совершенно потрясающая актриса. Я часто думал, что если бы она была в Голливуде, она была бы супер-мега-звездой, потому что в ней было все – и талант, и голос, и музыкальность, и изящество, и чувственность, и красота.

Есть пословица, которую я ненавижу, она звучит так: «Нет незаменимых людей». Это вранье. На самом деле, нет заме-

нимых людей, потому что каждый человек совершенно сам по себе отдельный и уникальный. Нет заменимых людей. И, конечно, к Людмиле Гурченко это относится втройне. Мне ее будет сильно не хватать.

* * *

Время от времени меня спрашивают знакомые: «А почему у тебя нет в передаче такого-то человека, такого-то министра, такого-то члена правительства? Нам было бы интересно». И мне приходится говорить, что есть такие министры, которые не приходят. Ну вот не приходят, сколько бы раз я их ни приглашал.

Не так давно на Первый канал приходил председатель правительства Владимир Владимирович Путин, и я ему задал вопрос. Я спросил его: «Считаете ли вы, что члены правительства должны приходить в эфир, должны отвечать на вопросы, которые волнуют людей?» На что он ответил: «Да, считаю. Вообще-то, это их обязанность, они должны это делать». И тогда я сказал: «Может быть, тогда на каком-нибудь заседании правительственном вы скажете им об этом, что вы так считаете? Не то что прикажете, но хотя бы чтобы они знали, какое у вас мнение по этому поводу».

После этого наша команда опять обратилась к соответствующему министру, и с тем же результатом: мы получили отказ. Вот как вы думаете, почему они отказываются, эти ми-

нистры, которые занимают ключевые места, и деятельность которых нас с вами очень волнует? Они, конечно, скажут, что они очень заняты. Но мы не примем это объяснение, поскольку к нам приходят люди не менее занятые, чем они. Находят время. Значит, не в этом дело.

Я думаю, что есть только два ответа. Ответ первый: им наплевать на вас. Мало ли, что вы хотите от них услышать. Им это все равно. Вы там сами по себе, а они сами по себе. Это один ответ. И второй ответ: они боятся. Они боятся вопросов, которые вы будете задавать, кто прямо, а кто через меня. Они не хотят неприятных вопросов, вот и все. А скорее всего, объяснение одно – и то, и другое: им наплевать, и они боятся. Вы заметили, что я не называю их фамилии? Пока. Но я вам обещаю, что если в скором времени они все-таки не придут, я их обязательно назову.

* * *

Геннадий Андреевич Зюганов после передачи с его участием подарил мне книжечки своих анекдотов, и там одна политическая книга, которую, вероятно, я прочитаю. Но вообще-то говоря, это тот случай, когда хотелось бы дольше говорить. Вроде пятьдесят две минуты имеются в эфире, а были какие-то темы, которые хотелось бы дальше с ним обсудить. Не поспорить, потому что, я еще раз повторю, я не спорю со своими гостями, но тем не менее поговорить с ним.

В частности, вот о чем. У нас сегодня 17 апреля, значит, через пять дней будет день рождения Ленина – 22 апреля. Но я не собираюсь обсуждать Ленина или его идеи, то, что ему удалось или не удалось. Я хочу сказать о другом. Причем я адресую эти слова не всем вам вообще, а каждому в отдельности, чтобы каждый по отдельности попытался подумать.

Вот представьте себе, что вы умерли. Неприятное, конечно, занятие – представлять себе такое, но это произойдет с каждым из нас. Представьте, что вы умерли. И попробуйте представить, что потом происходит не с вами, а, так сказать, с вашими останками, с вашим телом. Вариантов не так-то уж много, да? Либо положат в гроб и похоронят, либо сожгут в соответствующем учреждении, в крематории, и потом пепел этот соберут в какую-то урну, и урну тоже похоронят или там поставят в колумбарий. Но если представить себе, что вы не в России, а в другой стране, где другие порядки, скажем, в Индии, то ваше тело положат в огромный костер, сожгут вас и потом пепел рассеют. Но во всех случаях, во всех случаях абсолютно произойдет то, что вас не будет видно. Так или иначе, вас не будет видно. И это понятно. У некоторых даже хоронят в закрытом гробу, потому что считают, что нельзя смотреть на мертвого человека – это уже не тот, которого вы знали. Это не у всех так, но у некоторых религий это именно так. И это, по сути дела, проявление уважения к человеку.

Ну а теперь представьте вместо этого, что вас бальзамируют, как древнеегипетского фараона, и выставляют напоказ.

И вот люди ходят, глазеют и смотрят на вас. Вам нравится такая перспектива? Лично вам хочется, чтобы так произошло с вами? Или с каким-то вашим близким? Я полагаю, что нет, потому что только люди дохристианской и даже доиудейской эры так делали. Потом человечество ушло от этого, стало по-другому на это смотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.